

Анна Шнайдер

Тьма императора. Часть первая

«Литнет»

2021

Шнайдер А.

Тьма императора. Часть первая / А. Шнайдер — «Литнет», 2021

Мы не выбираем, в кого влюбляться. София Тали, с первого взгляда влюбившаяся в императора Арена, тоже не выбирала. Она не аристократка, он женат, и ее неожиданные чувства способны привести обоих к катастрофе. Хотя катастрофа уже началась. Дерзкое покушение на маленькую наследницу, семилетнюю Агату, свидетельствует о том, что вторая волна заговора против императора все-таки существует. Кого эти люди попытаются убить в следующий раз? И выживет ли сама София? Предупреждение: это не сериал «Моя прекрасная няня». Герои будут совершать противоречивые поступки, иногда даже аморальные.

© Шнайдер А., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	46
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава 1

«Весна», — подумала София, не открывая глаз.

Вечером перед сном она распахнула окно, и теперь в лицо дул прохладный ветерок, пахнувший мокрой землёй и набухшими почками, и хотелось улыбаться. Улыбаться несмотря ни на что. В конце концов, жизнь продолжается, и они со всем справятся. Конечно, справятся!

В эти утренние минуты, когда в комнате пахло свежестью, а на улице радостно и игриво чирикала какая-то птичка, в удачный исход дела верилось особенно. Разве может быть иначе, когда за окном — такая весна?..

— Софи, вставай! — послышался взволнованный голос матери, и секунду спустя с Софии сдёрнули одеяло. Сразу стало демонски холодно, и она, подтянув колени к груди, всё-таки открыла глаза, шурясь от яркого солнца — мама уже успела и шторы распахнуть. — Вставай, София Тали, тебя ждут великие дела!

— Какие ещё великие дела? — улыбнулась она, укутывая колени в подол ночной рубашки. — Ты хочешь, чтобы я помогла тебе собрать букеты?

— Нет, — ответила айла Тали, села на постель рядом с дочерью и сунула ей под нос какую-то газету. — Смотри.

София, вздохнув — всё же она с удовольствием поспала бы ещё минут пятнадцать, — опустила голову. Перед ней лежал «Золотой орёл» — ежедневная столичная газета. Так, и что?

— Вот! — Мама ткнула пальцем в объявление на первой полосе. — Читай!

«В императорский дворец требуется аньян*. График работы 5/2, оклад по договорённости. Наличие титула не играет роли. Номер браслета связи...»

(* Так в Альганне называют гувернантку или няню. — Здесь и далее примечание автора.)

София, шурясь — глаза слезились со сна, — прочла на всякий случай ещё раз, и ещё.

— Вроде День шута только через месяц... — пробормотала она, испытывая сильное желание побыстрее встать и промыть глаза. И не потому что они слезились. Просто у неё явные галлюцинации...

— Я тоже сначала не поверила, — кивнула айла Тали. — Потом связалась по этому номеру, там женщина, она сказала, что всё действительно так и если меня интересует вакансия, то сегодня к полудню надо подойти к западному входу императорского дворца. К малому входу, для слуг. А дальше проводят. Пойдёшь?

В голосе матери было столько надежды, что София не решилась её разочаровывать.

— Пойду, да. Спасибо, что разбудила.

Айла Тали расцвела от радости.

— Отлично! Тогда спускайся, будем завтракать, — чмокнув дочь в лоб, она почти побежала к двери — словно поверила в сказку.

София повернулась к окну, в которое светило яркое весеннее солнце, и подумала, что ей, конечно, тоже очень хочется верить.

Две недели назад умер отец Софии и двух её сестёр, и хотя у неё сложились с ним не очень хорошие отношения, всё равно — после его смерти было не по себе. Она привыкла к отцовскому громкому голосу и такому же смеху — от него дрожали стёкла в окнах дома, — к тому, что повсюду лежат его вещи, даже к ссорам отца с матерью она давно привыкла.

Эйнар Тали был человеком весёлым и беззаботным, точнее сказать безалаберным. Любил он выпить, частенько не приходил, а приползал домой, и потом клялся, что больше никогда-никогда так не будет. Но недели через две — в лучшем случае — всё опять повторялось, и айла Тали давно махнула на мужа рукой. От родителей она унаследовала маленький дом на Центральной улице Новой Грааги — на первом этаже находились их семейный цветочный

магазинчик и кухня, а на втором — жилые комнаты. Всего-то три спальни. Невелико богатство, но София с мамой дорожили и этим.

Через пару дней после смерти отца к ним в дом пришла беда — огромное количество неоплаченных долгов Эйнара Тали. Счета поступали по почте, счета и расписки приносили служащие юридических контор. Оказалось, отец уже несколько лет играл в карты — да, по мелочи, но этой «мелочи» накопилось такое количество, что для погашения долга требовалось что-то продать. Либо магазин, либо квартиру. Продать квартиру по понятным причинам было невозможно, а магазин... Мама Софии проработала там всю жизнь, и бабушка с дедушкой тоже... Как тут продать? И куда в таком случае устраиваться работать айле Тали? За квартиру ведь нужно платить, и за обучение дочерей — тоже.

Эйнар и Синтия Тали были обычными людьми, а вот София, Элиза и Роза обладали магическим даром. По закону родители таких детей платили налоги за возможность обучения магии, иначе никакого обучения не предполагалось. Альтернатива, конечно, имелась — в случае, если ребёнок был сиротой или его родители не могли оплачивать обучение, он платил сам, работая на империю после окончания института. Софию, слава Защитнице, такая судьба обошла стороной — она, закончив институт пять лет назад, платила минимальные налоги: за наличие дара, подходящий, и больше ничего. Но что теперь станет с Элизой и Розой?..

Так было устроено общество в их родной стране Альганне. Когда-то давно магия являлась прерогативой аристократии, носившей фамилии, начинающиеся на «А», «Б» или «В» и заканчивающиеся на «ус», но с течением времени и в обычных семьях стали появляться дети с даром. Поначалу они не знали, куда податься с этой своей магией, а затем кто-то из императоров смекнул, что на этом можно заработать, и ввёл налог на магию для не-аристократии. Хочешь учиться — изволь платить. И в дальнейшем, работая по специальности, плати.

К подобной системе все привыкли, и, хотя недовольных было много, люди продолжали жить по тем законам, которые диктовала им императорская власть. Но восемь лет назад, когда на престол взойшёл император Арэн, среди аристократии и не-аристократии начались разговоры, что он собирается поменять устои.

Никто не верил. София в то время училась в Институте прикладных наук, на втором курсе, и до сих пор помнила, как преподаватель истории Альганны качал головой:

— Да не бывать этому никогда!

Он ошибся. Закон о ненаследственной передаче титулов был принят Советом архимагистров и императором месяц назад — и теперь разрешалось заключать браки между аристократами и обычными людьми. Титул переходил к супругу или супруге, а затем передавался их детям. Правда, пока после указа такой брак заключила только одна пара; по крайней мере, в столице дело обстояло именно так, а как в других городах — София не знала и не интересовалась. После смерти отца ей было не до политики.

Что продавать — квартиру или магазин? А если ничего не продавать, как жить? Долг надо заплатить в течение месяца — так постановил суд. Адвокат сказал, что можно добиться отсрочки на полгода и выплачивать деньги постепенно, но даже это вряд ли спасёт их с мамой. Слишком большая сумма. София посчитала — чтобы погасить долг за полгода и при этом остаться с квартирой и магазином, ей с мамой необходимо зарабатывать в четыре раза больше, чем сейчас.

А она сейчас вообще не работала. Беда, как известно, не приходит одна: три недели назад родители двух малышей-близнецов, у которых София была аньян, объявили, что уезжают на юг из-за работы главы семейства, а следовательно, через две недели её услуги будут не нужны. После этого София уже семь дней искала работу — и не находила.

Влезть в другие долги, занять у друзей и родственников, чтобы заплатить эти? Невозможно. У Эйнара Тали вообще не было родственников — он рос в приюте после гибели роди-

телей, столкнувшихся с демонами Геенны, а у мамы Софии родственников явно не доставало для оплаты столь большой суммы.

Тупик.

Интересно, какой оклад у аньян во дворце? Наверное, приличный, но...

София улыбнулась и покачала головой. Глупо мечтать о том, что её могут принять на работу во дворец. Она не аристократка, а всего лишь слабый маг с пятилетним стажем (если не считать трёх лет практики в самом институте). Во дворец наверняка берут только опытных аньян, у которых «из ушей» торчат рекомендации от предыдущих работодателей. У Софии, конечно, рекомендации тоже есть, но всего лишь четыре. Да, все отличные. Только...

Она, пнув одеяло ногой, вскочила с постели и, топая по деревянному полу босыми ногами, подбежала к зеркалу. Зеркальная поверхность отразила девушку с возбуждённо блестящими серыми глазами — как будто у неё температура! — всклокоченными кудрявыми волосами ярко-рыжего цвета — срочно причесать! — красными щеками и острыми, бледными, почти синими дрожащими коленками, которые торчали из-под ночнушки. Щёки покраснели, коленки побелели и дрожат — вот что с ней сделал страх! И... надежда.

А вдруг действительно... получится?

Почти весь гардероб Софии состоял из серых и коричневых платьев. Или серо-коричневых. Хотя... были ещё и тёмно-зелёные, и парочка чёрных. А зачем ей много светлых, если, работая аньян, вечно пачкаешься? На тёмном хотя бы грязь не так заметна. Конечно, большинство пятен прекрасно и быстро сводятся магией, а с бытовыми заклинаниями у Софии всегда был полный порядок, но... далеко не все пятна так сговорчивы. А вот дети — практически все очень изобретательны. И лучше поостеречься заранее.

В чём же идти во дворец?

Руки заскользили вдоль тканей. Её рыжие волосы, конечно, лучше смотрятся с тёмно-зелёным... Да, пусть будет вот это платье. Шерстяное, тёмно-зелёное, с длинными рукавами и поясом. В самый раз.

София быстро сбегала в ванную, умылась и, надев платье, заплела в косу непослушные волосы. Мало того, что рыжие, так ещё и вьются мелкими пружинками, и их столько, что коса получается толстенная, с кулак. Ни у кого из семейства Тали не было таких волос. Кудрявые — да, но не рыжие.

Мама и сёстры уже сидели на кухне и завтракали. Шестилетняя Роза уныло ела кашу, украдкой поглядывая в центр стола, где красовалось блюдо со сладкими булочками, а Элиза, которой два месяца назад исполнилось двенадцать, жевала бутерброд, глядя в книгу. Она так любила читать, что делала это почти круглосуточно — и мама с Софией давно махнули рукой и перестали пытаться оторвать ребёнка от книги хотя бы во время еды.

Но, услышав шаги сестры, Элиза отложила книгу сама.

— Доброе утро, Софи! — сказала она звонко. — Значит, пойдёшь? Мама рассказала. Пойдёшь, да?

Вокруг её маленькой головки пушились светло-русые кудряшки, голубые глаза были широко распахнуты, а рот раскрыт от любопытства. Из девочки она постепенно превращалась в девушку, и София с тревогой ждала того дня, когда ей придётся метлой отгонять женихов от красавицы сестры.

Элиза пошла в отца — Эйнар Тали тоже был голубоглазым, светловолосым и настолько красивым, что женщины на него постоянно заглядывались. И обаяние у него лилось через край.

А вот Роза больше походила на маму — тёмные прямые волосы, чуть смуглая кожа, глаза орехового цвета и родинка над губой. Только вот Синтия была очень худенькой, почти тростиночкой, как и София, а Роза — пухляшка. Отец называл её «пирожком», а они с мамой и Элизой — «сладкой булочкой».

— Пойду, — кивнула София, садясь на свободный табурет. Айла Тали поставила перед ней тарелку с кашей. — Оно того стоит. Заодно посмотрю, как императорский дворец выглядит... внутри.

— О! — Элиза даже подпрыгнула. — Потом расскажешь! А... вдруг ты увидишь императора?

Софии стало смешно.

— Это вряд ли, Лиз. Не думаю, что он лично занимается подбором кадров. У него совсем другие обязанности.

— А вдруг? И вообще...

— Мам, а можно булочку? — перебила их Роза, достигнув наконец дна тарелки. — Можно, да?

— Можно, — сказала айла Тали и подвинула блюдо с выпечкой поближе к дочери. — Но только одну.

Роза облизнулась и схватила ближайшую булочку, а Элиза продолжила:

— И вообще, как думаешь, для чего им во дворце аньян? Там есть дети?

— Конечно. Во-первых, наверняка дети некоторых слуг живут во дворце — этим, кстати, можно объяснить то, что кандидатам на должность титул иметь не обязательно. А во-вторых, у самой семьи Альго* достаточно детей. Дошкольного возраста сейчас принц Александр, сын императора, и принцесса Адель, дочь сестры его величества.

(* Фамилия правящей династии, единственная аристократическая фамилия без окончания «ус».)

— Может, кому-то из них нужна аньян? — задумчиво спросила Элиза и тоже взяла булочку.

— Вряд ли, — улыбнулась София, принимаясь наконец за кашу. Завтрак она сегодня никак не осилит — слишком уж нервничает. Выпьет только чай. — Я склоняюсь к первому варианту. Аньян для слуг.

Сестра мечтательно вздохнула. Да, среди её книг истории о принцах и принцессах были самыми любимыми. А ещё лучше — об обычных девушках, которые становились принцессами после свадеб с принцами. И пока Элиза находилась в том возрасте, когда факт, что настоящие принцы вообще не могут жениться на обычных девушках, был ей абсолютно не важен.

Сразу после завтрака София, обняв на прощание маму и сестёр, начала строить пространственный лифт на Дворцовую площадь.

Во все времена маги и не-маги мечтали научиться быстро переноситься в другое место, и лучше — при помощи специальных кабин. Кабины для писем (почтомаги) или небольших грузов существовали, а вот перенос человека пока считался невозможным. Насколько София знала, разработки на эту тему велись артефакторами, но о каких-либо открытиях пока не объявлялось.

Перенестись возможно было не в любое место, а только в разрешённое. В каждом доме существовала комната для переноса (обычно ею делали прихожую), и гостям, перед тем как переноситься, требовалось получить допуск. Да и в городе нельзя было просто «возникнуть» посреди улицы. В Грааге, в разных концах столицы, имелось пять площадок для пространственных переносов. Одна из них находилась на Дворцовой площади, оттуда можно было попасть в императорский дворец несколькими путями. София предпочла прогулку по Дворцовой набережной вдоль реки. Зимой там слишком холодно, но сегодня погода была тёплой, и она решила пройтись. Да и время ещё имелось.

— Удачи, — прошептала Синтия Тали, нервно блестя глазами. София видела, что мама очень на неё надеется, да и сама она испытывала похожие чувства, хотя понимала, что, скорее всего, их попытка окажется напрасной.

Кивнув матери и вписав в формулу пространственного лифта константу перемещения, через несколько томительных мгновений София оказалась на Дворцовой площади. В лицо ударило яркое весеннее солнце, послышался птичий гомон, чей-то весёлый смех, и воздух был таким лёгким, невесомым... Каким же замечательным теплом началась эта весна!

София, сойдя с каменной площадки для переноса, двинулась через площадь к набережной, продолжая размышлять о своём.

Конечно, она хорошо знала этикет аристократов — все аньяны обязаны знать его, независимо от собственного происхождения, — но как именно подбирались кадры во дворец, София не имела понятия. Это же совсем разные вещи — обслуживающий персонал для императорской семьи и для служащих. Подбором занимаются разные люди? Или одни и те же? А насколько сильно отличается зарплата аньянов венценосных детей от аньянов обычных ребятишек?

София улыбнулась и покачала головой. Наверняка разница существенная... но венценосная семья — вряд ли про её честь. Если стать аньяном для детей слуг шанс ещё имелся, то мечтать воспитывать наследников Альго совсем глупо. Даже несмотря на закон, принятый месяц назад.

София хорошо помнила, что предшествовало событию. Впрочем, помнила не только она — вся страна до сих пор гудела от споров и сплетен. Ничего удивительного — во время празднования Дня Альганны императора чуть не убили за его желание реформировать общество. Он спасся, уничтожив заговорщика на глазах тысяч людей — в том числе это видели мама Софии и Элиза. А потом выполнил все обещания, приняв закон о ненаследственной передаче титулов. Аристократия в своём большинстве была этим крайне недовольна, поэтому София очень сомневалась в возможности устроиться аньяном императорской семьи. Даже если его величество терпим к нетитулованным магам... То, что заговор против императора возглавил его собственный брат, говорило о многом. Значит, не все Альго поддерживают Арена. И стоит ли нарываться на конфликт ради какой-то аньяны? Гораздо проще взять на работу аристократку. Так можно хотя бы избежать ссор в семье.

София понимала, что рассуждает об этом исключительно потому, что нервничает. Толку гадать, если в ближайшее время она всё увидит и узнает сама? Окружённый парком императорский дворец приближался, и она, невольно выпрямив спину и бледнея — веснушки на лице становились ярче с каждым шагом, — поправляла сумку с документами и... молилась.

«Защитница, помоги, прошу! Помоги не ударить в грязь лицом, не смущаться и... получить эту работу! Нам она так нужна...»

Дворец из светлого камня, похожего на чистейший белый снег, впервые в жизни пугал Софию до дрожи в коленках. Раньше она им восхищалась... но только не в эти секунды.

— Всё будет хорошо, всё получится, — шептала она себе под нос, то ли веря, то ли не веря в собственные слова, и сердце билось неровно и взволнованно. — Даже если не выйдет, ты хоть увидишь, что там внутри, потом будешь внукам рассказывать...

«Каким внукам? Если вам с мамой придётся продать магазин или квартиру, до внуков ты можешь и не дожить».

София упрямо вздыхала, морщась от собственных сомнений, сильнее стискивала зубы и шла вперёд.

Она действительно хорошая аньяны, действительно! Лучшая на курсе! У неё обязательно получится. Обязательно!

Войти в императорский парк оказалось не так просто — возле ворот находился пост охраны. Пришлось назвать себя, сообщить, зачем ей надо во дворец, показать необходимые документы, расписаться в ведомости, получить пропуск и сопровождающего.

Сопровождающий — весёлый вихрастый мальчишка лет четырнадцати, почти такой же рыжий, как сама София, одетый в чистый костюм цвета весенней листвы, дождавшись, когда

они отойдут подальше от поста охраны, поинтересовался, едва ли не подпрыгивая от нетерпения:

— А вы на работу, да? Устраиваться пришли?

Она кивнула.

— Да. Я аньян.

— О-о-о! — протянул мальчишка, почему-то важно надувшись. — Здорово. Я — Томаш Риль, сын поварихи Шильды Риль. Бегаю по мелким поручениям. А вас как зовут?

— София Тали. Аньян нужна детям слуг, не знаешь?

Томаш надулся сильнее.

— Сами увидите. Не буду ничего говорить, мало ли, потом ещё отругают... Главное — не бойтесь. Он не любит, когда бояться.

«Он?»

— Он? Это кто?

Томаш усмехнулся, отворачиваясь.

— Увидите.

«Может, какой-нибудь дворцовый управляющий? — подумала София, хмурясь. — Кто-то же должен отвечать за слуг. Хотя аньян не совсем служанка...»

София так погрузилась в свои размышления, что красоты окружающего парка почти не замечала. Ближе к концу их недолгого (минут пять) пути с Томашем она обнаружила, какие вокруг красивые сосны — с длинными иголками и большими шишками. На одной сидела маленькая белочка в серой пушистой шубке и с громким треском что-то грызла.

Дорожки под ногами были усыпаны мелким гравием, возле бордюра уже начинала пробиваться ярко-зелёная весенняя травка. А уж птицы выводили такие трели, словно пели в лесу, а не в городе.

— Удачи, — дружелюбно сказал Томаш перед тем, как оставить Софию. Они успели войти в небольшие деревянные двери с вырезанной на них виноградной лозой, и мальчишка сразу убежал. Зато перед Софией появился слуга, на этот раз взрослый мужчина в тёмно-синей форме с серебряными пуговицами.

— Айла Тали? — дождавшись её кивка, слуга продолжил: — Следуйте за мной, я вас провожу.

Вход действительно был не парадный — обычная широкая каменная лестница, покрытая тёмно-бордовым ковром, на стенах — немагические светильники. Постоянно сновали слуги — туда-сюда. Форма у них была в основном тёмно-синей, но попадалась и белая, и зелёная, как у Томаша, и голубая. Софии очень хотелось спросить, что всё это значит, но она не решилась. Она ведь здесь не работает, так что вряд ли ей ответят.

Поднявшись примерно на уровень третьего этажа, слуга толкнул ещё одну дверь — на этот раз стеклянную — и вошёл в помещение круглой формы со множеством двустворчатых дверей. Лифты!

Нажав кнопку со стрелочкой «вверх», мужчина сказал, обращаясь к Софии:

— Кроме вас ещё четыре кандидатки, их уже принимают.

Сердце на секунду остановилось.

— Но я ведь не опоздала?..

— Нет, разумеется. Просто они пришли чуть раньше. Две уже успели уйти.

— Их... не взяли?

Служащий пожал плечами.

— Нам не докладывали. Но раз не дают отбой и принимают новых кандидатов, значит, окончательное решение ещё не принято. — Он покосился на Софию и сказал то же, что и Томаш: — Главное — не бойтесь.

И только она открыла рот, чтобы поинтересоваться, почему ей уже второй раз говорят про страх, как двери одного из лифтов открылись.

Из них вышли две молодые девушки в синей форме. Обе в передниках, с волосами, убранными под белые чепчики.

— Я за выходные думала: с ума сойду, — жаловалась одна другой. — И как Матильда её терпит? Что ни сделай — всё не так!

Вторая захихикала:

— Чашки-то не била?

— Нет, — фыркнула первая. — С тех пор как его величество вмешался, она перестала бить посуду. Видимо, теперь неинтересно.

Девушки, смеясь, вышли из лифтовой, и София услышала голос сопровождающего:

— Заходим, айла.

Она шагнула в лифт.

Внутри всё оказалось кипенно-белым, только под ногами — тёмный пол без ковра. Единственное «украшение» — панель с номерами этажей от минус третьего до двадцать пятого.

Слуга нажал на кнопку с цифрой «пятнадцать», двери закрылись, лифт чуть погудел — и двери вновь открылись.

— Выходите.

Вот теперь перед ней явно было помещение не для слуг. Длинный и светлый коридор — правда, светильники всё равно не магические, — стены, обитые панелями из светлого дерева, под ногами золотой ковёр с густым ворсом и периодически попадающиеся охранники в алой форме.

«Аньян для слуг? — подумала София и сглотнула слюну, ставшую неожиданно вязкой. — Здесь живут точно не слуги...»

Возле дверей, рядом с которыми остановился её сопровождающий, навтыжку стояли два охранника. Статные, высокие, широкоплечие, ещё и архимаги, если судить по нашивкам на форме. Неужели такие люди охраняют обыкновенных кадровых служащих дворца?

— Ещё одна аньян. Пропустите?

Охранник сделал шаг вперёд, поводил руками перед Софией, уделив особое внимание сумке, и кивнул, когда закончил осмотр.

— Да, пусть заходит.

— Удачи, айла, — пожелал сопровождающий, открывая двери. Потрясающие, кстати, двери. Художник явно постарался, вырезая на них огонь и огромного золотого орла.

Золотой орёл? Герб Альганны, птица-покровитель императорской семьи... Куда её ведут?

Видимо, София застыла на пороге, потому что один из охранников, понимающе улыбувшись, легко подтолкнул её ладонью в спину. Девушка шагнула вперёд и огляделась.

Не слишком большое помещение с четырьмя диванами из светлой кожи — на двух из них сидели женщины, они явно были аристократками. Картины на светлых стенах, большой шкаф, заполненный какими-то папками, за длинной высокой стойкой — строгая дама с седыми волосами, заколотыми в пучок.

Двери за Софией закрылись с тихим стуком, и женщина подняла голову.

— Добрый день, — произнесла она невозмутимо, на её лице нельзя было заметить даже тени каких-либо эмоций. — Присаживайтесь, куда хотите. Вас скоро позовут.

— Здравствуйте... — выдохнула София. Опустилась на ближайший диван — слава Защитнице, он был свободен — и обвела глазами присутствующих.

Зря она это сделала. Аньян-аристократки смотрели на неё примерно так же, как смотрят на раздавленных мух — с лёгкой брезгливостью.

«И ведь наверняка у них есть родовая магия, в отличие от меня, — подумала София с тоской. — Возможно, у кого-то эта магия основана на умениях управляться с детьми... Почему бы и нет, я о подобной слышала...»

Она опустила голову, чтобы не встречаться с соперницами взглядом. Только настроение портить. Закон-то, может, и принят, но презрительное отношение к нетитулованным магам из голов аристократии так быстро не выбьешь.

— Айла Тали, — услышала София голос седой женщины, сидевшей за стойкой. — Заходите, вас ждут.

Она медленно поднялась, ощущая, как сильно дрожат колени. Дверь — снова резная и снова с золотым орлом, только парящим над Граагой, — находилась справа от неё. А что за дверью?..

Что ж, сейчас она это увидит.

И София, глубоко вздохнув, взялась за ручку.

За дверью оказалась довольно-таки большая комната со множеством книжных шкафов из тёмно-вишнёвого дерева и светлым полом без ковра, настолько блестящим, что в нём отражалась окружающая обстановка. Под высоченным потолком висела хрустальная люстра — не магическая, но очень красивая, словно сделанная из льда. Прямо под люстрой полукругом стояло несколько диванов, обитых тёмно-коричневой кожей, а на них сидели двое детей — девочка лет семи и мальчик лет трёх. София скользнула по ним взглядом, подняла глаза — увидела огромное окно во всю стену, за которым виднелась залитая ярким солнцем столица. Возле окна стояли письменный стол, кресло, а рядом с креслом разговаривал по браслету связи мужчина.

Софию обдало паническим холодом, от смущения и волнения мгновенно сменившимся жаром в груди.

Она прекрасно помнила, как выглядит император, и узнала его сразу.

— Винсент, назначьте заседание комиссии завтра на шесть вечера, — говорил его величество, и перед ним клубилось серое облачко — чья-то проекция, скрытая от посторонних глаз. — В крайнем случае — на семь. Состоится оно здесь, у меня в кабинете. Кроме пяти членов комиссии я прошу вас пригласить артефактора Рона Янга и заместителя главного врача Императорского госпиталя Эн Арманиус. Номера их браслетов возьмите у моего секретаря.

Забыв о панике, София глядела на императора во все глаза.

Такой же стройный и статный, высокий и широкоплечий мужчина с тёмными волосами и очень красивым профилем, как на портретах в журналах и газетах. София обожала рисовать, и ей тут же захотелось набросать этот профиль. Особенно прекрасен был нос — точёный, словно принадлежал не живому человеку, а изысканной скульптуре.

Смуглую кожу щёк и рук великолепно оттенял белый мундир с золотыми пуговицами — нет, она точно нарисует его, когда вернётся домой!

— Садитесь, — услышала София тихий детский голос и вновь посмотрела на детей. Говорила девочка. — Сейчас... Папа скоро освободится.

«Папа...»

Защитница! Значит, перед ней принцесса Агата и принц Александр, дети императора.

София вздохнула, пытаясь унять волнение, и, подойдя к дивану, где сидели наследники, опустилась на сиденье рядом с ними.

Темноволосые и кареглазые Агата и Александр смотрели на неё вдумчиво и серьёзно, и София невольно отметила, что они оба безумно похожи на своего отца.

— Меня зовут София Тали, — сказала она так же негромко, как недавно Агата. — А как вас зовут, я знаю. Значит, это вам нужна аньян?

— Да, вы правильно поняли, Винсент, — донеслось справа от окна, где по-прежнему стоял император. — Артефактор и врач, верно. Завтра узнаете.

— Нам. — Агата придвинулась чуть ближе к Софии, и Александр сделал то же самое. — Но пока нам никто не понравился.

Софии вдруг стало смешно, она улыбнулась и ощутила, как постепенно растворяется страх.

В конце концов, чего бояться? Её здесь точно не съедят. Император, раз принял закон о ненаследственной передаче титулов, лояльно относится к не-аристократам, а дети... дети — всегда дети, и неважно, какую фамилию они носят.

Эти ребятишки были почти такими же, как сотни других, встречавшихся Софии, — если не считать слишком серьёзных и вдумчивых глаз.

— Значит, вы сами выбираете себе аньян? — сказала она весело. Наследники тоже улыбнулись — оказалось, что у Агаты не хватает парочки верхних зубов. Эта щербатая улыбка уничтожила остатки страха, и Софию залило приятным теплом. — И как много было кандидатов?

— Очень много, — ответила Агата, а Александр согласно закивал. Интересно, он разговаривает? — Сначала нам мама выбрала аньян, но... Она была плохая. Мама выбрала другую, и опять... Поэтому за дело взялся папа. Вместе с нами. Он нам обещал, что возьмёт только ту аньян, которая всем понравится.

Император у окна что-то говорил, но София уже не слушала, полностью переключившись на детей.

— Вы мне нравитесь, — сказала она совершенно искренне. — Но я не обижусь, если вы выберете не меня, честное слово. По правде говоря, я — не самая лучшая аньян для наследников.

— Почему? — спросили хором оба ребёнка. Ага, значит, Александр тоже разговаривает. Просто верховодит у них Агата.

— Ну, я же не аристократка, а ваша аньян должна появляться вместе с вами на официальных церемониях. Не аристократка с наследниками — это немного странно. Честно говоря, я думала, что во дворец требуется аньян для детей слуг, а тут вон что оказалось...

— Ничего странного, — возразила Агата, замотав головой, и её брат сделал то же самое. Повторюшка. Значит, дети очень дружны. — Папа говорит, что все мы — просто люди, только у каждого свои обязанности. Кто-то император, кто-то повар, но всех надо уважать.

София невольно покосилась на его величество, который, кажется, уже заканчивал разговор. От услышанного ей стало легко и приятно, а в сердце — немного жарко.

— А аристократизм или его отсутствие — это ерунда, и со временем предрассудки изживут себя, — продолжала Агата. — Вот! Вы ведь знаете этикет, айла Тали?

— Конечно, — кивнула София, вновь переводя взгляд на детей. — Но я довольно слабый маг, ваше высочество. Вам, наверное, нужна...

— Нам же требуется аньян, а не охранник, — вновь улыбнулась Агата своей щербатой улыбкой. И, вскинув голову на отца, который наконец повернулся к ним, завершая разговор, воскликнула: — Пап, мы хотим её!

Александр энергично закивал, а София так удивилась, что даже не испугалась.

Император поднял брови, улыбнулся, и София, посмотрев на него, вздрогнула — чёрные глаза с неестественно широкой радужкой выглядели очень странно и немного пугающе. Она знала, что у всех императоров глаза становились такими после обряда коронации, да и на портретах видела, но оказалось, что в жизни это производит совсем иное впечатление. Далеко не самое приятное.

Но это чувство быстро ушло, когда его величество, рассмеявшись, сказал:

— Однако, как много всего тут произошло, пока я говорил по браслету связи! Вы — София Тали, верно?

София кивнула, невольно нахмурившись — имя-то он откуда знает?..

Император словно услышал этот вопрос.

— Я попросил секретаря пригласить именно вас, потому что мы с детьми уже достаточно насмотрелись на аристократок. Вы первая из нетитулованных анян, которая решила прийти во дворец. Агата, Александр... — Его величество, продолжая улыбаться, посмотрел на детей. — Бегите к себе, а я пока побеседую с айлой Тали.

— По-взрослому? — уточнил Александр, чуть картавя, и Софии захотелось рассмеяться, но она сдержалась.

— Именно.

Дети синхронно кивнули, вскочили с дивана и, взявшись за руки, пошли к выходу.

— Удачи, айла Тали! — сказала Агата уже на пороге, и Александр повторил за ней:

— Да, удачи!

— Спасибо, — поблагодарила наследников София, не отрывая взгляда от императора, который сел на диван напротив неё.

Двигался его величество как крупный хищник — плавные скупые движения завораживали, и Софии в который раз захотелось его нарисовать.

— Итак, айла Тали, — сказал император, как только дети вышли, и улыбка исчезла с его лица. Правда, при этом оно не стало недружелюбным. Он смотрел на Софию совершенно спокойно, даже бесстрастно. Но и девушке так было гораздо легче. Если бы он улыбался ей, как своим детям, это было бы странно. — Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

— Конечно, ваше величество.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Где вы учились?

— В Граагском институте прикладных наук. Специальность «дошкольное воспитание и образование». Я могу показать документы...

— Да, будьте любезны.

София полезла в сумку и вытащила всё, что у неё было, — диплом об окончании института, свидетельство о присуждении звания «лучший ученик курса» и характеристики с мест практики и работы. Не слишком густо для анян детей императора.

Но его величество по этому поводу ничего не сказал. Внимательно всё изучил, посмотрел характеристики и, вернув их Софии, заключил не менее бесстрастно, чем раньше:

— Неплохо, айла Тали. Для вашего возраста даже очень неплохо. Но самое главное — не ваши дипломы и характеристики, а то, что вы понравились моим детям. Это важно. Их прежняя анян, Вирджиния Амадеус, решила покинуть нас и уйти на пенсию. Она воспитала несколько поколений Альго, меня в том числе, и с моей стороны было бы нехорошо пытаться её задержать. Но с тех пор, как Вирджиния ушла, с анян у нас настоящая беда. Дети не приняли двух аристократок, которых подобрала моя жена, и я пообещал, что учту их пожелания во время собеседования. Вы — первая кандидатка, которая им понравилась.

— Интересно почему... — пробормотала София, и император усмехнулся.

— Агата — эмпат, как и я. Дар начал развиваться в конце прошлого года. У Александра он пока спит. Я могу сказать вам почему, поскольку чувствую то же самое. Ваши слова не расходятся с вашими чувствами.

Эмпаты... Точно. Вот почему двое из встреченных ею слуг сказали: «Главное — не бойтесь». Конечно, это важно. Вряд ли императору приятно общаться с анян, которая трясётся от страха.

София действительно не боялась. Она испугалась только в первый момент, но больше от неожиданности. Потом, после разговора с детьми, ей стало намного легче. Она знала, что по

детям можно судить об их родителях, поэтому смотрела на его величество почти спокойно — ну, если не считать лёгкого волнения. Всё же император...

— Если говорить об условиях, то график стандартный — пять дней работаете, два отдыхаете. Приходите в девять, уходите в шесть. Обедаете вместе с детьми. Зарплата составляет двести тысяч альгов в месяц.

София задохнулась от восторга пополам с недоверием. Сколько?!.. Защитница, она даже четверти этой суммы ещё не зарабатывала!

И тут её осенило...

— Ваше величество... разрешите спросить?

— Да, разумеется.

— А... — Сердце зашло от страха, но София тем не менее продолжила: — Не могла бы я получить зарплату вперёд? Сразу за три месяца. Мне... очень нужны деньги. — Лицо императора стало настолько удивлённым, что София поспешила пообещать: — Если я не справлюсь, я отработаю, клянусь. Хоть посудомойкой, хоть уборщицей... Мне очень нужно.

«Зарплата за три месяца — это примерно треть долга отца, — подумала девушка, ощущая, что коленки начинают дрожать. Она с ума сошла — просить о подобном императора! Неслыханная наглость. Не удивительно, если он передумает брать её на работу. — Но, заплатив эту сумму, мы с мамой сможем получить отсрочку по долгам и спасём магазин!»

— Очень нужно, — повторил император задумчиво. — Что ж, раз очень, вы, я полагаю, сможете объяснить мне, зачем вам это нужно.

София неуверенно кивнула. Неловко рассказывать такие вещи о собственном отце, но его величество прав — он должен знать.

И она рассказала. Сначала было не по себе, но потом София понемногу успокоилась и поведала императору всё, что беспокоило её в последнее время. Он слушал, не перебивая, и в глазах его она видела интерес.

А когда София закончила, его величество произнёс:

— Я понял, айла Тали. У меня к вам встречное предложение. Вы получите зарплату не за три месяца, а за шесть. Завтра же.

От удивления она открыла рот. А император продолжил:

— Но, конечно, не просто так. В течение шести месяцев вы будете работать семь дней в неделю и жить во дворце постоянно. Отлучаться можете по вечерам и в то время, когда наследники заняты. Согласны на такие условия?

София не думала ни секунды.

— Конечно, ваше величество.

— Ещё раз, — повторил император, мягко усмехнувшись. — Подумайте хорошенько. У вас не будет полноценных выходных. В течение полугода вам придётся жить во дворце круглосуточно, отлучаться сможете только ненадолго. Это непросто, айла Тали.

— Я понимаю, ваше величество. Но... — Она вздохнула и сказала абсолютно честно: — Это спасёт нас с мамой и сёстрами. Я безмерно благодарна вам. Спасибо огромное! Я буду очень стараться.

— Не сомневаюсь, — кивнул император, довольно поблёскивая глазами.

Глава 2

Когда будущая аньян его детей ушла, Арен подошёл к окну, наслаждаясь редкими минутами покоя и одиночества. Через полчаса ему нужно идти на совещание Совета безопасности, а пока можно немного расслабиться и подумать.

Что ж, хотя бы одно дело из намеченных на эту неделю сделано. Наверное. Конечно, у этой девочки мало опыта, но опыт — дело наживное, а из-за собственной просьбы и его великодушной уступки она будет стараться изо всех сил, лишь бы не уволили.

Арен хмыкнул, глядя на город, в лучах полуденного солнца казавшийся ослепительным, будто готовился к празднику. Нет, никаких праздников в ближайшее время... И хорошо — праздниками император был сыт ещё со Дня Альганны, когда его пытались убить.

С аньян всё действительно сложилось как нельзя лучше, Арен даже не ожидал подобного. Последние десять лет Вирджиния, вырастившая собственных детей, находилась во дворце семь дней в неделю, полностью посвящая себя службе, и это было очень удобно — Агата и Александр не переходили из рук в руки, от постоянной аньян к аньян выходного дня. Они привыкли к одному человеку. И мало того, что сейчас этого человека необходимо было заменить, так ещё требовалось найти двух аньян вместо одной — на будни и на выходные. А тут такая удача — девочка, которая согласилась жить во дворце и выполнять свои обязанности постоянно за выданную заранее зарплату. Агата и Александр привыкнут к ней за эти месяцы, а потом он найдёт им аньян выходного дня. Привыкать к одному новому человеку всегда легче, чем сразу к двум.

А если эта София Тали действительно станет хорошо справляться, через три месяца получит «премию» — зарплату за выходные дни. Сейчас она об этом даже не заикнулась, скорее всего, вообще не подумала, а может быть и не подумает, но Арену не нужно, чтобы она просила его об этом. Вирджиния получала двойную зарплату — за будни и за выходные, — и София получит такую же, если справится. Хорошо бы, чтобы справилась...

Нетитулованная аньян. Что ж, его жена будет крайне недовольна этим фактом, девочке придётся непросто. Арен невольно поморщился, осознав, что Виктория наверняка станет выживать Софию из дворца всеми мыслимыми и немыслимыми способами. К сожалению — или к счастью? — айла Тали не произвела на него впечатления зубастой акулы, поэтому ей придётся непросто. Арен надеялся, что Виктория в своих попытках выжить неуютную особу не дойдёт до полнейшего абсурда или откровенных преступлений. Он, конечно, справится с чем угодно, но как же надоела эта демонова ерунда...

Браслет связи на запястье завибрировал.

— Да, Адна.

— Ваше величество, члены Совета безопасности ждут вас в малом зале собраний.

— Хорошо. Скажите им, что я сейчас подойду. И сделайте мне чаю.

— Конечно, ваше величество.

Вышедшая из императорского дворца София ощущала себя птицей, которая умеет летать. Она шла по набережной, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не начать глупо подпрыгивать или не пуститься в пляс — так ей было радостно из-за случившегося.

Конечно, маме будет сложно обходиться без её помощи, но это лучше, чем продавать магазин или квартиру. Да и из Элизы выросла прекрасная помощница, если что, заменит. Главное — они спасены, действительно спасены! Благодаря императору.

София чуть покраснела, вспомнив этого человека. Он не мог сравниться ни с кем из её знакомых мужчин, особенно — с отцом. Вот уж кто был абсолютной противоположностью его величества, так это Эйнар Тали! Безответственный и безалаберный гуляка. Да, нехорошо так думать про отца, но уж как есть. Точнее, как было...

София по отцу совсем не скучала, но всё же ей было его немного жаль.

А ещё было жаль, что она не сможет рассказать маме и сёстрам практически ничего из произошедшего с ней сегодня. Даже на кого и с кем станет работать в дальнейшем. Об этом ей сообщил император в самом конце разговора.

— На всех служащих я ставлю печать молчания, — объяснил он, поднимаясь с дивана. Подошёл к Софии и мимолётно коснулся ладонью её плеча. — В пределах дворца вы можете обсуждать что угодно и с кем угодно, но за его стенами — ничего. Своим родственникам вы сообщите только факты — вас взяли на работу и выдадут вам зарплату за полгода, взамен вы согласились на семидневную рабочую неделю. Рассказать, что вы станете аньян моих детей, вы никому не сможете. Сейчас зайдёте к начальнику охраны дворца, он вас подробно проинструктирует, что говорить родственникам и знакомым.

София понимающе кивнула — иного она и не ожидала. Странно, что в пределах дворца можно болтать что угодно... Но с другой стороны — надо же людям чесать языки! Иначе их просто разорвёт.

— Я жду вас завтра, — сказал император, когда София хотела спросить, с какого дня ей приступать к своим обязанностям. — Приходите завтра к девяти утра. Сначала оформите все необходимые документы в кадровой службе. То, что вы показали мне сегодня, оставьте в приёмной у Адны — это мой секретарь, вы её видели. Завтра вас оформят, выдадут обещанную зарплату, а потом проводят к детям. Я подойду, как только освобожусь, и расскажу об их расписании. Хотя, скорее всего... — Император улыбнулся, и от этой улыбки София неожиданно смутилась. — Агата и сама справится.

Сейчас, анализируя собственные чувства, София понимала — в этой улыбке было много нежности, предназначенной, конечно, не ей, а дочери. По каждому слову, по выражению лица, да даже по тому, что его величество лично взялся за поиски аньян для Агаты и Александра, София поняла — император очень любит своих детей. И это была ещё одна причина, по которой он ей понравился. Она любила заботливых родителей и терпеть не могла равнодушных.

Но было и ещё кое-что, только София старательно гнала от себя малейшие мысли об императоре как о мужчине. Эти мысли настойчиво лезли в голову, когда она вспоминала, как бесшумно и плавно он двигался, как улыбался, как внимательно слушал её, с каким выражением лица смотрел на детей. А уж о единственном кратком прикосновении к плечу она и вовсе старалась не вспоминать — сразу чувствовала, как жар заливает щёки.

— Надо с этим справиться, — прошептала София, глубоко вздохнув. — Надо, Софи. Не только потому, что он твой работодатель... Он — эмпат. Если почувствует твоё неравнодушие, уволит. Нужно с этим справиться, обязательно нужно...

«Вот только как?» — подумала она тут же с некоторой долей отчаяния, надеясь, что эти чувства — не более чем наваждение и долго не продлятся. Когда София училась в институте, она несколько раз влюблялась в студентов разных курсов и каждый раз, узнавая их чуть ближе, разочаровывалась.

«Скорее всего, с императором будет так же. И пускай, Защитница! Пусть будет так».

Но она всё равно его нарисует, как только появится время.

Софии хотелось сделать это до дрожи в кончиках пальцев.

Дни у Арена были расписаны по минутам. Между завтраком, обедом и ужином, которые император старался проводить с семьёй, он уделял время докладам глав различных ведомств, дворцовым делам и приёму частных посетителей. За каждой службой закреплялось определённое время для совещаний. С безопасниками и дознавателями Арен виделся в понедельник, с хозяйственниками и сотрудниками Комитета культуры, науки и образования — во вторник, в среду отводилось время для финансового и судебного комитетов, в четверг — для торгового и дипломатического, в пятницу императора посещали охранители, а суббота и воскресенье оставались для частных встреч и различных поездок. Это то, чем Арен занимался постоянно, но были и внеплановые мероприятия. Таких частенько оказывалось большинство.

За восемь лет императорства он привык к своему расписанию и режиму, но иногда хотелось остановить этот поток бесконечных дел хотя бы на пару месяцев. Увы, это было невозможно, и в такие моменты Арен понимал своих предшественников, отрекавшихся от престола. Далеко не все императоры ждали смерти, как его отец, многие уходили на покой гораздо раньше. Век Альго, сильнейших магов империи, долог, поэтому у власти император находился не одно десятилетие, а заканчивалось правление зачастую отречением. Когда Арен был совсем юным, он считал это слабостью, но теперь научился понимать своих предшественников. Тяжело работать без выходных и отвечать за всё, происходящее в стране.

Из-за собеседований с кандидатами на место аньян совещание с безопасниками пришлось сдвинуть, поэтому у императора практически не осталось времени на обед. Он быстро перекусил и сразу побежал к дознавателям — тем всегда было что рассказать, и Арен проводил с ними до самого вечера.

Ещё в середине дня ему передали просьбу императрицы зайти, когда будет возможность, и он невольно поморщился, понимая, о чём Виктория хочет поговорить. А точнее, поскандальить. Арен желал бы оттянуть этот визит, но в таком поведении не было смысла, и потому ближе к концу совещания он передал секретарю Виктории, что зайдёт через полчаса, и, дослушав дознавателей, поспешил к жене.

Настроение давно скатилось на отметку «паршивое» — он был страшно голоден, безумно устал и хотел спать, но при этом понимал, что спать ляжет ещё не скоро, и это не добавляло доброжелательности. После раскрытия заговора прошло не так уж много времени, и отголоски недавних событий до сих пор витали в воздухе, создавая дополнительные проблемы и Арену, и остальным ведомствам. Огромное количество аристократов пришлось арестовать и найти им замену на службе, а некоторые умудрились сбежать прямо из-под носа дознавателей и безопасников, и их периодически продолжали ловить в разных концах страны. Пару аристократов даже вернула дружественная Альтака.

Всё это раздражало и утомляло. Больше всего на свете Арену хотелось бы сейчас не ругаться с женой, а лечь рядом, обнять и полежать так хотя бы минут пятнадцать, ощущая исходящие от неё волны любви и покоя. Но любовь и покой — это, к сожалению, не про Викторию.

Когда Арен зашёл в спальню жены, она сидела на пуфе возле туалетного столика в халате из полупрозрачного голубого шёлка и расчёсывала длинные золотые волосы. Император прекрасно знал, что Виктория делает так, когда сильно злится. Впрочем, тут и гадать не требовалось — как только она увидела отражение мужа в зеркале, сразу прищурилась и выпалила:

— Это правда, что ты взял для наших детей безродную аньян? Весь дворец сегодня обсуждает эту новость. Арен, это правда?

Он прошёл в спальню, сел на кровать и, постаравшись максимально расслабить мышцы, ответил:

— Я взял на работу аньян, которая понравилась Агате и Александру. Это главное.

— Но она безродная? — Виктория повернулась лицом к мужу, с громким стуком положив расчёску на столик.

— Вик, — сказал Арен так спокойно, как мог. — Не безродная. Сколько можно повторять? Нетитулованная, не аристократка.

— Без разницы. Ты...

— Есть разница. Да, эти люди не обладают кровной магией, но это не значит, что они безродные.

— Я не хочу, чтобы с моими детьми занималась какая-то... — воскликнула Виктория, в голосе её уже явно слышалась истерика. Впрочем, не только в голосе. Арен прекрасно чувствовал эмоции собственной жены — негодование и злость бурлили, клокотали, пока сдерживались, но это ненадолго. — Я не желаю!..

— Вик, ты слышала, что я сказал? Она понравилась Агате и Александру. Какая разница, есть у неё титул или нет? Рекомендации отличные, диплом лучшей ученицы Института прикладных наук. Тебе напомнить, чем закончились две предыдущие попытки нанять аньян-аристократок? Забыла, как Александр ревел целыми днями, а Агата пряталась, и мне пришлось отменить все дела, чтобы искать во дворце собственную дочь?

— Я помню, — огрызнулась Виктория. — Но, Арен, неужели нельзя подобрать кого-то ещё, с титулом? На тебя и так злятся за этот закон, а ты ещё усугубляешь!

Жена вновь начала повышать голос, и император понял, что на этот раз успокоить её можно только одним способом.

Он встал с постели, подошёл к Виктории — она от неожиданности замолчала, — поднял её на руки и понёс к кровати. Положил на покрывало и начал расстёгивать халат.

— Арен... — Виктория попыталась оттолкнуть его руки, но в её эмоциях вместе со злостью он уловил возбуждение. — Перестань, мы ещё не закончили!

— Сейчас закончим, — усмехнулся Арен, распахивая халат и накрывая обеими ладонями обнажённую грудь жены.

Через несколько минут злость и негодование растворились, уступив место другим чувствам — Виктория кричала под ним, царапая его спину от страсти, и потом у неё не осталось ни сил, ни желания устраивать скандал.

Конечно, это временная мера. Арен понимал это, поглаживая разгорячённое, подрагивающее от удовольствия тело жены. Виктория выскажет ему претензии не единожды, особенно когда увидит молоденькую и хорошенькую Софию. Императрица была ревнива как сотни демонов и во всех молодых служанках подозревала любовниц мужа.

Любовниц Арен не заводил с момента заключения официального брака. Ему было достаточно Виктории. Да и... у него уже есть одна нелюбимая и нелюбящая женщина. Зачем ему вторая?

— Меня взяли! — воскликнула София, как только добралась до дома и вошла в магазин. Айла Тали в это время собирала красивый праздничный букет и чуть не уронила его, услышав слова старшей дочери.

— Слава Защитнице, — выдохнула Синтия, прижимая к груди цветы, и улыбнулась какой-то полубезумной улыбкой. — И чьи дети будут твоими подопечными? И... что с зарплатой?

Вопрос про детей София проигнорировала — всё равно правду ответить она не сможет, просто сказала:

— Мам, с зарплатой есть одно «но». Мне выдадут её сразу за полгода. — Глаза Синтии изумлённо расширились. — Но придётся находиться во дворце постоянно. Семидневка, в общем. Зато это больше половины папиного долга!

— Больше половины?!

— Да!

Айла Тали медленно опустилась на деревянный табурет.

— Софи, ты не шутишь?..

— Нет. Мне просто пошли навстречу. Я не представляю, что буду делать, если не справлюсь...

Синтия словно очнулась — посмотрела на дочь возмущённо:

— Не справишься?! Защитница с тобой, Софи, ты обязательно справишься!

— А ты, мам? Меня ведь почти всё время не будет дома. Ты сможешь без моей помощи?

И помощи отца...

— Твой отец больше мешал, чем помогал, — фыркнула айла Тали. — А уж с этим долгом он вообще... Не думай об этом, девочка моя, всё будет хорошо. Элиза уже достаточно большая. На этой неделе она на каникулах, а потом при необходимости станет помогать мне после школы. Да, кстати... Когда ты приступишь к работе?

София смущённо закусила губу.

— Завтра.

— Уже?! — Мама покачала головой. — Вот это скорости у них во дворце! Так чьи дети-то? Не императора ведь? — Она засмеялась собственной шутке, и София тоже улыбнулась, хоть и стало немного неловко.

Раньше она никогда не обманывала маму, но на вопрос требовалось что-то ответить, а сказать правду у неё не получится. Конечно, начальник охраны дворца — высокий и широкоплечий мужчина с суровым взглядом, гладко выбритый, точнее без волос на голове, отчего он показался Софии похожим на яйцо с бровями, — хорошо объяснил, что именно она должна говорить, но всё равно было неловко.

— Там много детей служащих. Им требовалась аньян.

— С ума сойти... Если столько денег платят аньян детей служащих, сколько же получает аньян венценосной четы?

— Полагаю, много, мам. А где Элиза и Роза?

— Роза я отвела в детский сад, а Лиз наверху, читает.

— Я пойду, позову её. Покажу кое-что, чтобы она могла тебе помочь, когда я уеду.

Синтия кивнула и неуверенно спросила:

— Но ты ведь будешь нас навещать? Или это... прямо совсем на полгода?

— Конечно навещу, мам. Не волнуйся. Когда мои воспитанники будут заняты — я сразу к вам.

— Ох... Устанешь, Софи.

Она пожала плечами:

— Зато мы теперь точно останемся и при квартире, и при магазине. Нам невероятно повезло! — И София убежала наверх, не заметив, с каким странным и немного испуганным выражением лица посмотрела на неё мама.

День прошёл в хлопотах, но они большей частью оказались приятными. София собирала вещи, попутно убираясь в своей комнате, наставляла Элизу, как лучше помочь маме, и возилась с Розой, пытаясь напоследок хорошенько с ней наиграться — понимала, что потом станет страшно скучать по младшей сестре.

Полгода во дворце практически безвылазно — это тяжело. Да, наверняка будет интересно, а главное — полезно для её карьеры. Если она справится... А если не справится — гибельно. София понимала это очень хорошо, но понимала она также, что у неё как специалиста нет причин не справиться. Только ведь имеются и другие моменты дворцовой жизни, в которых она совершенно несведуща.

Весь день Элиза пыталась выпросить подробности случившегося утром, и Софии было не по себе. Особенно когда сестра, возбуждённо блестя глазами, спросила:

— А ты видела императора?

Мама тоже заинтересованно посмотрела на Софию.

— Нет. — Ох, как же стыдно! — Я была только в служебной, непарадной зоне. Вряд ли он вообще там ходит.

Элиза разочарованно вздохнула, явно вспомнила, как они с мамой видели его величество. Издалека, но всё-таки видели.

В День Альганны София осталась дома с Рози, а Синтия Тали с Элизой пошли на Дворцовую площадь — смотреть церемонию подтверждения власти. Вместо церемонии произошла попытка убийства императора. Зрелище это было столь впечатляющим, что Элиза целую неделю не могла говорить ни о чём другом.

София тогда была рада, что не пошла на площадь, — не хватало ещё увидеть оторванные головы и превращённых в пепел людей! — а теперь жалела. Ей хотелось сравнить того императора, с которым она познакомилась утром, с тем, которого Элиза с мамой увидели на площади в День Альганны.

Хотя бы потому, что сейчас Синтия Тали сказала:

— Интересный он человек. Смелый, конечно, и принципиальный, но... пугающий. И вообще, лучше держись подальше от всех этих венценосных особ.

«Не получится», — подумала София, и сердце её дрогнуло.

— Да, мам.

Только вечером, перед сном, она наконец смогла сделать то, о чём мечтала с самого утра. Села за стол и, достав бумагу и карандаш, стала рисовать.

Высокий лоб, тёмные короткие волосы, точёный профиль, узкие губы, упрямый подбородок, прямая спина... Целых полчаса София, как в лихорадке, быстрыми движениями карандаша набрасывала портрет человека, от образа которого не могла отделаться весь день.

Она думала, ей станет легче. Но легче не стало. София полными смятения глазами смотрела на нарисованный профиль императора и чувствовала, как от этого портрета её бросает то в жар, то в холод.

Получилось отлично. Впрочем, она всегда хорошо рисовала.

— Это пройдёт, пройдёт, — шептала София себе под нос, сама не веря в то, что говорит. — Всё пройдёт, вот увидишь...

Полюбовавшись на портрет ещё несколько минут, она спрятала его в сумку, чтобы не оставлять дома, и легла спать, понимая, что завтра её жизнь изменится навсегда.

Виктория попыталась устроить скандал ещё раз, когда зашла к Арену перед сном, выяснив, что комнату для аньян готовят на их этаже. Слуги называли этот этаж «парадным», расположен он был очень высоко — на самом верху Главной башни, центральной башни дворца. Да, там жила и Вирджиния, прежняя аньян Агаты и Александра, но она ведь... Она ведь аристократка, а эта!..

Арену, у которого ближе к ночи начала болеть голова от постоянных проблем и разборок, очень хотелось ничего не объяснять, а просто заткнуть жене рот заклинанием и отправить обратно в её комнату.

— Дело не в титулах, Вик. София — аньян наших детей. Она должна жить в соседней комнате. Эта комната всегда была комнатой аньян наследников, ничего в этом нет неордина...

— Есть! Вообще во всём! — кипятилась супруга. — И... я посмотрела документы! Арэн, ей всего двадцать шесть лет!

— И? — Он начал терять терпение.

— Она слишком молодая!

— Тебе напомнить, сколько лет было нашим предыдущим аньян? И какое фиаско они потерпели? Если справится — мне неважно, сколько ей лет, хоть пятнадцать. Не справится — уволью. И хватит мусолить эту тему.

— Арен...

— Я сказал — хватит, — произнёс император тихо и холодно, и Виктория сразу замолчала. От неё плеснуло страхом, и император поморщился.

Никогда Виктория его не боялась, даже в самом начале знакомства. Ещё и по этой причине из нескольких претенденток на титул императрицы, отобранных службой безопасности, он выбрал именно её. Жениться было необходимо, по любви, к сожалению, невозможно, так хоть на невесте без эмоций страха и опаски...

Но после того, как Арен на Дворцовой площади без суда и следствия убил собственного брата, на Викторию иногда накатывало, хотя её на площади не было — он запретил. К заговору жена не имела ни малейшего отношения, но дружба с убитым Аароном и то, что ей рассказали про события, сыграло свою роль, и теперь она порой пугалась. Словно он на самом деле мог её испепелить.

Неприятно, но Арен предпочитал не говорить на эту тему. Хотя, возможно, следовало бы. Ни в одном из существующих законов император не наделялся властью принимать решение о казни и тут же самолично её осуществлять. Он совершил преступление, но только жена брата сумела сказать ему это, глядя в глаза, — остальные молчали, явно опасаясь повторения судьбы Аарона.

Жалел ли он? Нет. И сделал бы это ещё раз. Суд над единокровным братом императора тут же превратился бы в фарс — судья, даже Верховный, не стал бы выносить смертный приговор члену семьи Альго. А оставлять в живых лидера заговорщиков, вокруг которого все они могут вновь объединиться, — безумие. Арен безумным не был. И убил сразу несколько демонов — уничтожил главу заговора, а заодно дал понять остальным его участникам, какая судьба их ждёт в случае неповиновения. Раньше они не слишком-то боялись Арена, а теперь — ещё как. Когда на твоих глазах император превращает в пепел собственного брата, сложно не испугаться.

Теперь бы ещё поскорее решить проблему с родовой магией... Перспектива остаться без неё так пугала аристократов, что женившихся на нетитулованных по всей стране набралось всего трое. Конечно, прошёл только месяц, но...

— Хорошо, — прервала его мысли Виктория, тихо вздохнув. — Я пойду к себе.

— Да. И, Вик... — Он помедлил, но всё же сказал: — Очень прошу, не пытайся выжить из дворца нашу новую аньян. У меня сейчас сложные времена, ты же понимаешь.

Супруга кивнула. Арен прислушался к её чувствам — смятение, раздражение, даже злость... Смирения не было.

— Не добавляй мне проблем.

— Не добавлю, — ответила Виктория, не глядя на него. — Но... если она не справится, ты ведь её уволишь?

— Если не справится — да.

Охрану, что ли, приставить к этой Софии? Хотя куда охранникам, даже самым лучшим, тягаться с его женой?

Глава 3

София проснулась задолго до звонка будильника.

Лежала, слушала стук собственного сердца, смотрела в окно — небо только-только начинало светлеть, где-то на горизонте всходило солнце, прогоняя ночную тьму, — она думала.

Если бы накануне в это же время кто-нибудь разбудил её и сказал, что она скоро устроится на работу аньян в императорский дворец — и не к кому-нибудь, а к детям его величества! — София только улыбнулась бы нелепой и глупой шутке. Ей до сих пор казалось, что всё это сон.

Нет, конечно, не сон, но... Кто знает, вдруг император успел передумать? Сейчас она придёт во дворец и ей скажут: «Извините, но его величество принял решение не в вашу пользу».

Странно и даже немного забавно, но София не верила в такую возможность. Вспоминая Арена...

Нет-нет, глупая, никогда не называй его по имени, никогда!

Вспоминая императора — да, вот так, — она почему-то не сомневалась: если бы он передумал, попросил бы своего секретаря предупредить Софию, чтобы она не тратила время и не приходила во дворец.

— Почему ты так думаешь о нём, Софи? — прошептала девушка, прижимая ладони к глазам и вздыхая. — Ты же его совсем не знаешь...

«Не знаешь...»

Что-то внутри противилось этому утверждению. София пыталась спорить с собой, но... толку было мало.

Ведь с сердцем спорить бесполезно.

— Удачи, моя девочка, — шепнула дочери на прощание Синтия Тали, пока Роза и Элиза, всхлипывая и шмыгая носами, лезли обнимать Софию.

— Я постараюсь, как можно чаще...

— Как сможешь. Не переживай, мы справимся.

— И ты тоже! — заявила Элиза громко звенящим от сдерживаемых слёз голосом. — И... выйдешь замуж за принца, вот!

София улыбнулась, но от этой улыбки веяло горечью.

Вряд ли хоть один принц сможет сравниться с...

«Не называй его по имени. Не называй!»

— Обязательно выйду, Лиз. Хотя ещё лучше сосватать кому-нибудь из принцев тебя или Роза.

— Нет уж, — сказала айла Тали полушутливо-полусерьёзно. — С аристократами связываться не стоит, неважно, принцы они или просто... Выбирайте себе женихов из нашего круга. Софи?..

— Я знаю, мам! — Она чмокнула мать в щёку. — Не волнуйся.

Нет, всё-таки это даже полезно — не иметь возможности рассказать о том, куда именно её взяли на работу. Иначе мама от беспокойства точно с ума сошла бы. А так она просто слегка волнуется.

Подхватив две большие сумки, на сбор которых София потратила накануне полдня, девушка, напоследок расцеловав ещё раз мать и сестёр, выскользнула за дверь и села в заказанный магмобиль, который должен был отвезти её к императорскому дворцу.

В сумках было только самое необходимое — на первое время. В конце концов, не в тюрьму же её сажают! Если что, выберется домой за тем, что понадобится.

Вот интересно, а где она будет жить?..

Возле входа во дворец Софию ждали двое слуг — уже знакомый мужчина средних лет в тёмно-синей форме и совсем юный парнишка в зелёном.

— Доброе утро, айла Тали, — кивнул старший, как только София вышла из магмобиля. — Я провожу вас в кадровую службу. Дик, бери сумки и неси их в комнату.

Парень, не мешкая, залез в багажник, а София поспешила следом за знакомым слугой внутрь дворца. Хотя... знакомым ли?

— А как вас... — начала она, но не договорила — мужчина ответил, улыбнувшись:

— Я Трей Грин. Внутренняя служба дворца. Извините, что не представился в прошлый раз.

— Не думали, что меня возьмут? — спросила София шутливо. Она бы ничуть не удивилась, получив ответ «да», но Трей покачал головой:

— Нет, просто был немного «в мыле», забыл. В целом то, что вас... А давайте на «ты»?

— Да, конечно.

В этот момент они, как и накануне, вошли в помещение с лифтами, и Трей нажал кнопку «вверх». Двери сразу открылись, и мужчина, шагнув в кабину, продолжил:

— Так вот. То, что вас приняли, в целом не удивительно.

София вошла следом.

— Это из-за закона?

— Не только. — На этот раз Трей нажал кнопку с цифрой «пять». — Да, его величеству не важны титулы, но он не сумасшедший, чтобы везде и всюду давать привилегии нетитулованным магам. Просто... видела бы ты тех, кто приходил до тебя...

— Двоих я видела.

— Их было больше. И все они... такое впечатление, что сами носят фамилию Альго. Чем кичатся? Непонятно.

— Среди аньян очень мало аристократов, — пояснила София. — Крайне мало. А те, что есть, — слабые маги с даром ещё меньшим, чем у меня. Их задевает, что приходится прислуживать. И они принципиально не идут работать к простым людям.

— Вот именно, — кивнул служащий. Двери открылись, и они с Софией вышли из лифта. — Его величество очень раздражает деление на «простых» и «сложных» людей. Ты этого недостатка лишена, в отличие от остальных кандидаток. Так... ну вот, мы пришли.

София огляделась — широкий коридор, по которому проходили разные служащие, был таким длинным, что его конца она не могла увидеть. Двери здесь имелись, но не резные, а обычные деревянные. Возле одной — из тёмно-красного дерева — они и стояли сейчас с Треем.

— Иди. Тебя оформят, думаю, меньше чем за час. А потом наверняка опять меня вызовут — проводить в твою комнату.

— А где я буду жить? — София не смогла удержаться от вопроса. И от неожиданности приоткрыла рот, когда её новый знакомый, усмехнувшись, ответил:

— Рядом с Агатой и Александром, конечно.

За дверью находилось огромное помещение с высоченным потолком, похожее на библиотеку — только вместо книг на стеллажах стояли какие-то папки. Здесь могло поместиться множество служащих, но за длинными широкими столами, поставленными буквой «Г», сидели всего четыре человека — три женщины и мужчина.

— Айла Тали? — Одна из женщин, находящаяся ближе всего к Софии, подняла голову. — Идите сюда и садитесь рядом со мной.

София, ловя на себе взгляды присутствующих, подошла ближе и опустилась на стул возле стола.

— Меня зовут Дороти Таабл. Я младший кадровый сотрудник. Сейчас мы с вами оформим все документы, затем вы получите зарплату за полгода у нашего старшего сотрудника, а потом будете беседовать с главным дворцовым управляющим.

— Это со мной, — послышался сзади весёлый голос, и София, обернувшись, увидела, что единственный мужчина в комнате широко ей улыбается. Пожилой аристократ с совершенно седыми волосами, усами и бородкой, одетый в белую форму.

Стало интересно: почему у всех разная форма? Вот, кстати, у Дороти Таабл форма голубая. Отчего?

Но спрашивать сейчас было неудобно, поэтому София промолчала.

— Держите договор, — продолжала говорить младший кадровый сотрудник. — Всё проверьте, пожалуйста, и, если согласны, поставьте подпись на каждой странице. Внимательно прочтите все пункты, это важно.

София кивнула, углубилась в договор и почти сразу удивлённо округлила глаза.

«График работы — по девять часов в день с понедельника по пятницу. Первые шесть месяцев Работник обязуется работать сверхурочно, с выплатой заработной платы за эти месяцы в стопроцентном размере в день устройства на работу. Количество рабочих часов будет фиксироваться в таблице. В случае если Работник через шесть месяцев будет состоять на службе, Работодатель обязуется выплатить Работнику заработную плату за все отработанные выходные, плюс премию за переработку. Размер премии не регламентируется настоящим Договором и определяется лично Его Величеством».

Зарботная плата за выходные?!

Премия за переработку?!

О, Защитница, это шутка?..

— А-а-а... — София ткнула пальцем в договор и подняла глаза на Дороти Таабл. — Я ничего подобного не обсуждала с императором...

— Его величество сам просил внести этот пункт, — ответила женщина, и губы её чуть дрогнули, словно ей захотелось улыбнуться. — То есть не волнуйтесь, он в курсе. И вообще, его подпись уже стоит, он всё читал. Осталось только поставить вашу.

Сам просил?... Подписал?..

София изумлённо заморгала. Может, она спит и видит сон? Слишком невероятно! Мало того, что зарплата за полгода вперёд, так ещё и за выходные заплатят, и за переработку... Если она справится.

«Вот именно — если».

— А... тут есть пункт, объясняющий, что будет в случае увольнения?..

— Конечно. Тут есть всё. Читайте дальше.

София продолжила чтение и через минуту нашла то, что её интересовало.

«В случае увольнения Работника — по его инициативе или инициативе Работодателя — выданная заработная плата подлежит возвращению с учётом отработанного Работником срока. Оставшаяся сумма будет возвращаться Работником через подоходный налог в течение пяти лет».

Когда София читала, её бросало то в жар, то в холод.

Конечно, зарплату придётся вернуть. Но одно дело — сразу, и совсем другое — в течение пяти лет, выплачивая налоги. Это не так ощутимо.

Император...

Софию вновь бросило в жар. Защитница, как же она ему благодарна!

— Прочли? Тогда подписывайте скорее.

Дрожащей рукой София взяла ручку со стола и быстро подписала каждый листок. Невольно покосилась на широкую, размашистую подпись его величества рядом с печатью — от каждого росчерка, каждого изгиба шли волны силы и уверенности в себе.

— Отлично, а теперь, будьте добры, снимите свой браслет связи.

— Что?..

— Браслет связи. Я выдам вам новый. Перенесу всю информацию из вашего старого браслета. Не волнуйтесь, ничего не потеряется. Это необходимо сделать из соображений безопасности.

Дороти Таабл достала из ящика стола прозрачную коробочку, в которой лежал чёрный браслет, и протянула её Софии.

— Держите. Открывайте, доставайте. Потом надо будет подписать ведомость о выдаче браслета, это у нас идёт отдельно.

София открыла коробочку, которая оказалась не коробочкой, а материальным защитным куполом, и вытащила наружу браслет.

И — в который раз за сегодняшний день изумлённо выдохнула. Драконья кожа и прозрачный кристалл «слеза вечности»! Значит, в огне не горит. Такие браслеты связи стоили баснословных денег, и далеко не каждый аристократ мог позволить себе подобный артефакт.

Пока София стягивала старый браслет, Дороти Таабл продолжала говорить:

— Он под иллюзией. Вне дворца все будут видеть обычный браслет, похожий на ваш прежний. От прежнего этот браслет отличается не только тем, что не горит в огне. Память на номера связи увеличена и доходит до тысячи.

«Зачем столько?!»

— Кроме того, в браслет встроено несколько защитных заклинаний, в том числе ментальное. Следилка, конечно. И самое главное...

Айла Таабл дождалась, когда София застегнёт браслет. Сферический экран засветился и сразу разделился на три части. Сверху и снизу — золотое и белое поля, посередине — время, дата, температура воздуха и пространственные координаты.

— Если нажмёте на золотую область, браслет сразу соединит вас с его величеством.

София на пару секунд перестала дышать от удивления.

— Я думаю, не стоит объяснять, что нажимать следует только в крайнем случае?

— Да уж, — пробормотала девушка. — А... только нажать?..

— Ещё голосом можно. Ну и в самом крайнем случае — ментально. Инструкция внутри браслета есть, почитайте обязательно. Ментальный вызов работает только с императором. Конечно, это слишком сложно и вообще вряд ли понадобится. Так, дальше... Да, белая область — это все остальные контакты. Кстати, давайте свой браслет, перенесём ваши личные номера. А то в этом сейчас только стандартные служебные.

Дороти Таабл поднесла старый браслет Софии к новому, плотно прижала экраны друг к другу — и через десять секунд из обновки послышался бесстрастный женский голос:

— Синхронизация завершена.

С ума сойти. Софии страшно было представить, сколько может стоить это чудо артефакторики.

— Всё, подписывайте ведомость: я отдала вам браслет, а вы его приняли.

— При увольнении сдаётся обратно?

— Естественно.

София, пробежав глазами текст, подмахнула ведомость, и айла Таабл, забрав бумажку, указала на стол коллеги:

— Мы с вами закончили, идите за зарплатой.

Справа от Дороти сидела женщина чуть постарше, со строгим пучком на макушке и тоже в голубой форме. Кивнула Софии, опустившейся на стул возле её стола, и сказала:

— Меня зовут Олли Эгайро, я старший кадровый сотрудник, отвечаю в том числе за заработные платы. Если в дальнейшем у вас возникнут какие-то вопросы, айла Тали, милости

прошу. Понедельник-пятница, с десяти до шести. На всякий случай — лучше приходить после четырёх.

София понятоливо кивнула. Пока вопросов по зарплате у неё не имелось, да и получать следующую она будет ещё не скоро.

— Держите, — Олли Эгайро протянула девушке конверт. — Это договор из Императорского банка с номером счёта. Ваша зарплата уже там. Здесь, во дворце, есть отделение, где можно снять деньги. Так что пользуйтесь. Но только после того, как вы лично отнесёте им подписанный договор. Подписать можете попозже и не здесь, а у себя в комнате. В банк сходите, когда появится время. Распишитесь в ведомости, что я отдала вам конверт.

София поставила очередную подпись и после этого услышала вопрос, заданный тем самым аристократом, дворцовым управляющим:

— Олли, закончила? Могу теперь я поговорить с девочкой?

«С девочкой»?.. В другой ситуации София немного обиделась бы, но мужчина сказал это так, что обидно не было. Да и... по сравнению с ним она точно девочка.

— Да, Бруно, можете, — ответила айла Эгайро и отпустила Софию.

Девушка в очередной раз сменила стул, уселась напротив управляющего и, сложив руки на коленях, приготовилась слушать.

— Приятно познакомиться с вами, София, — сказал мужчина, сразу же отвергнув безэмоциональное «айла Тали». — Меня зовут Бруно Валатериус, вы можете называть меня просто Бруно. Я, как вы поняли, главный дворцовый управляющий. Сразу скажу, что я не ваш начальник, но, если у вас будут вопросы, касающиеся жизни здесь, обращайтесь. Всё остальное — к его величеству. Если вам понадобится отлучиться — сначала оповещаете его, договариваетесь, потом сообщаете мне и охране.

— Охра...

— Да, охране. С этим строго. Причём сообщайте, во сколько вернётесь. Если не придёте вовремя и не сообщите о задержке, вас сразу начнут искать. Дальше... Во сколько начинается ваш рабочий день, думаю, вы уже знаете?

— Да, разумеется.

— Что касается питания. На первом этаже у нас кухня и столовая, там можно поесть в любое время дня и ночи. Завтрак — с пяти до восьми утра, обед — с двенадцати до трёх, ужин — с шести до девяти. В промежутках тоже есть еда, но уже по принципу «что осталось». Вы можете приходить в любое время, можете вообще не приходить — это по желанию. Каждый должен заботиться о себе самостоятельно, никто не будет бегать за вами с криком: «София, обед!»

— Я понимаю. А там...

— Бесплатно, — управляющий сразу понял, о чём она хочет спросить. — Конечно, без изысков, но очень вкусно. Так что приходите. Но я настоятельно рекомендую тратить на питание полчаса, сорок минут максимум. Иначе получите выговор, за этим у нас следят.

— Ясно, — София кивнула и, пока Бруно вновь не заговорил, спросила: — А почему у всех разная форма и какая будет у меня?

— Никакой. Одевайтесь во что угодно — ну, в пределах разумного, естественно. Вы не относитесь к слугам, вы — работник особого статуса. В договоре это указано. Что касается формы... Тут всё просто. Белая — у руководителей и личных слуг императора и императрицы, синяя — у рядовых слуг, голубая — у распорядителей. Зелёная — слуги младшего звена, что называется «подай-принеси».

Теперь Софии всё стало ясно. Действительно удобно — сразу видно, кто есть кто.

— Есть ещё серая форма, может, пока вам не попадалась. Она у всех поваров, кроме главного — у него, как у руководителя, форма белая. Так... что я ещё не сказал? Кажется, всё.

Хотя... — Бруно, задумчиво прищурившись, несколько секунд смотрел на Софию, а потом произнёс, понизив голос: — Постарайтесь не конфликтовать с императрицей.

— Конечно, зачем же мне конфликтовать? — София улыбнулась. — Мне нужна эта работа.

— Вам-то понятно. Но её величество у нас не слишком любит нетитулованных. Кроме того, она... довольно-таки ревнива. Будьте осторожны.

София невольно смутилась. Ревнива... Нет, разумеется, она никогда не станет соблазнять императора, но мечтать запретить невозможно.

— Спасибо, я учту.

Пару минут спустя за Софией вновь зашёл Трей Грин, на этот раз — чтобы проводить её в комнату, которую выделил император. Когда они вошли в лифт, София сразу заметила, что Трей нажал самую верхнюю кнопку с надписью «ПЭ».

— Что такое ПЭ?

— Парадный этаж. Самый верхний в Главной башне. Есть, правда, ещё чердак, но лифт туда не ходит, по лестнице надо идти.

София немного помолчала. Спрашивать побоялась, да и толку спрашивать — она всё уже поняла. Трей ведь говорил, что она будет жить рядом с наследниками, а где они могут жить, если не на парадном этаже?

— А... кто ещё там живёт?

— На парадном находятся только личные комнаты правящей четы и их детей. Есть игровая комната, гостиная, танцевальный зал, столовая, бассейн...

— Ба...

— Да, — Трей улыбнулся. — Конечно, и бассейн есть. В замке — на парадном этаже, и ещё один снаружи, в парке. Всё постепенно изучишь, не волнуйся. Первое время, правда, придётся ходить с сопровождением, но потом разберёшься.

Бассейн! София чуть не подпрыгнула. Может, она сумеет ходить туда вместе с детьми? Во время обучения в Институте прикладных наук она посещала бассейн и даже числилась в составе институтской сборной по плаванию. Ничего не выигрывала, но нормативы сдавала всегда и плавать любила очень.

Аньян вообще обучали всему, чему только можно. Они должны были уметь и на велосипеде ездить, и на лошади, и первую помощь оказывать, и рисовать, и петь, и танцевать, и шить, и вязать, и готовить... Мало ли, какой попадётся ребёнок! Кто-то книжки любит читать, а кто-то — вышивать крестиком. Поэтому разбираться хотя бы минимально надо было во всём.

И Софии это нравилось. С её даром в пятнадцать магоктав великим магом ей никогда не сделаться — зато оставался шанс стать хорошей аньян.

Двери лифта открылись, они с Треем вышли наружу — и София замерла от восхищения.

В коридоре оказалось сказочно красиво. Так красиво, что она несколько секунд не могла дышать, изумлённо оглядываясь по сторонам.

Все стены были отделаны резными деревянными панелями, изображающими цветы, деревья, птиц, животных, просто абстрактные орнаменты — рассматривай хоть всю жизнь, каждый день будешь замечать что-то новое. Ярко и прямо пахло можжевельником — видимо, панели были сделаны из него. А когда София подняла голову, обнаружила ещё одну панель — там, как на двери в кабинет императора, вырезали золотого орла и пламя вокруг него. Несмотря на то, что дерево не было раскрашено, Софии показалось, что орёл действительно живой и на самом деле летит сквозь огонь.

— Невероятно, — выдохнула она.

Примерно через каждые три метра из стен выглядывали расположенные напротив друг друга светильники — не деревянные и не золотые, а медные, они походили на выюнки с коло-

кольчиками-абажурами на концах. София присмотрелась — сверху на абажурах сидели изящные маленькие бабочки, тоже сделанные из меди.

А под ногами стелился абсолютно белый и настолько мягкий ковёр, что на нём вполне можно было бы уснуть, как на удобной кровати.

Неужели она, обыкновенная нетитулованная анян, станет жить здесь, среди этого великолепия?

— Да, неплохо, — подтвердил Трей, явно смеясь над её реакцией. — Не зря этаж называют «парадным». Смотри, какие зеркала.

Чуть дальше по коридору среди резных деревянных панелей действительно начали попадаться зеркала — чуть мутноватые, старинные, они казались маленькими водными озёрцами среди сказочного леса. Деревянные завитки вокруг стёкол были оформлены как рамы из цветов и листьев, державшие мутноватые поверхности зеркал с нежной бережливостью.

Были здесь и картины, и гобелены, и вышивки, и даже огромный аквариум от пола до потолка — длиной метров в десять! В нём плавали, кружились, играли друг с другом разноцветные рыбки.

— Это недавно поставили, — сказал Трей, когда они с Софией проходили мимо. — Агата любит аквариумы. И в детской есть, потом увидишь. Так... дошли до покоев императрицы.

София покосилась направо — там, рядом с двустворчатыми деревянными дверьми, чуть менее резными, чем окружающие их стены, стояли два охранника в красных мундирах.

«Значит, вот здесь живёт его жена...»

— А... какие у неё отношения с детьми, не знаешь?

— С детьми — хорошие.

Трей сразу замолчал, и София, удивившись, заметила:

— Ты так говоришь, как будто с кем-то плохие.

— В этом есть доля истины, — сопровождающий кивнул и понизил голос. — Пожалуй, стоит тебя предупредить... У её величества сложный, очень сложный характер. Нет, конечно, император у нас тоже не сахарный, но... Его величество — справедливый человек. Достаточно хорошо выполнять свою работу, и он тебе слова дурного не скажет. Императрица же — наоборот, будет придираться без всякого повода к мелочам.

София понимающе кивнула. Она встречала таких особ среди аристократок и знала, что подобным поведением чаще всего страдают не слишком счастливые женщины. Конечно, императрица наверняка не любит нетитулованных магов и простых людей, но в основе истерик явно лежит неудовлетворённость собственной жизнью.

— Кроме того, она...

— Ревнива? — София улыбнулась, вспомнив слова управляющего, и Трей хмыкнул.

— А, Бруно уже просветил. Мы это всем осторожно говорим, иначе могут быть неприятности. При ней не вздумай улыбаться его величеству — всю кровь потом выпьет. И вообще аккуратнее. Через пару дней заметишь, что все личные слуги императора — либо мужчины, либо пожилые женщины. Молодые у него надолго не задерживаются. Ему-то без разницы, кто комнаты убирает, а её величеству не всё равно. Ты молодая и...

— Я же не служанка императора, — нахмурилась София. — Я — анян их общих детей.

— Поверь мне, — вздохнул Трей, а потом сказал нечто, от чего её сердце замерло в испуганном воодушевлении: — Императора ты будешь видеть чаще, чем любая из его служанок.

За покоем императрицы шли покои императора, за ними — детская, рядом с ней оказалась дверь в комнату Софии. Никаких охранников здесь не было — впрочем, двери в детскую находились неподалёку, и возле них традиционно стояли навтыжку двое стражников.

— Прикладывай браслет. — Трей кивнул на панель-ключ слева от дверной ручки. — И входи. А я удаляюсь. Через час за тобой зайдут, отведут к Агате и Александру. Ну... — Сопро-

вождающий усмехнулся. — Если они, конечно, раньше сами до тебя не доберутся. Удачи, София.

— Спасибо! — Она кивнула и, когда мужчина, развернувшись, поспешил обратно, дотронувшись браслетом до панели, толкнула дверь.

Здесь ей понравилось сразу, гораздо больше, чем в коридоре. Во-первых, потому что здесь было окно — огромное, во всю стену, а за ним — такой вид на город с высоты птичьего полёта, что София согласилась бы жить тут только из-за него, даже если бы в комнате не было никакой мебели.

Но мебель была. Из светлого, практически белого дерева. У левой стены — широкая кровать, застеленная голубым покрывалом, рядом тумбочка, большой гардероб, письменный стол, комод, над ним — зеркало в простой металлической раме. А с противоположной стороны находились узкая деревянная дверь и огромный камин высотой в человеческий рост, в котором горел огонь.

София подошла ближе, протянула руки к пламени. Оно не обжигало, но грело, бросая отблески на её ладони и стены и добавляя и без того уютной комнате ещё немного уюта.

Возле окна стояли небольшой столик, два стула и два пуфа — и София, вспыхнув, почему-то представила, как они сидят здесь вчетвером: император, его дети и она. Глупости... Почему же тут? Это её комната, а у детей есть своя, и у его величества тоже.

На столе обнаружились графин с водой и стакан, и София, налив себе немного и сделав глоток, начала разбирать сумки, которые слуга, принёсший их, аккуратно поставил рядом с гардеробом.

Она справилась минут за сорок или даже меньше, а когда закончила, со вздохом опустилась на кровать. Теперь надо ждать, пока за ней зайдут...

Огонь в камине неожиданно ярко вспыхнул, заполнив собой всё пространство и расцветив комнату оранжево-жёлтыми тонами, и почти сразу после этого, перешагнув через заграждение, оттуда вышел император.

От изумления София даже не смогла встать с кровати. Так и продолжала сидеть, вытаращив глаза и открыв рот, и глядеть, как его величество идёт к ней.

— Доброе утро, айла Тали, — сказал он и чуть улыбнулся, рассматривая её лицо. София поспешно закрыла рот, моргнула и вскочила с постели. Хотела поклониться, как положено, но император остановил её, покачав головой и махнув рукой. — Ничего страшного, можно обойтись и без церемоний, здесь же нет никого, кроме нас с вами. Я прошу прощения, совершенно забыл попросить Бруно предупредить вас... Я переносусь через камины, при этом неважно, горят они или нет. У меня очень мало времени, не хочется тратить его на лифты и лестницы, так получается гораздо быстрее. Подобным образом по дворцу могу перемещаться только я, у остальных нет доступа. Не волнуйтесь, — его улыбка стала чуть шире, — я не буду нарушать ваш покой слишком часто. Сейчас я просто тороплюсь. Хочу поговорить с вами до совещания.

Значит, император так перемещается... И может переместиться в её комнату в любой момент, когда захочет... София понимала, что вряд ли такое будет происходить постоянно, но даже от мысли о подобном ей стало так неловко, что щёки заалели, словно она целый час их тёрла.

— Возьмите, — его величество протянул Софии лист бумаги, на котором было что-то написано. — Это расписание Агаты и Александра. Я решил записать, так вам будет проще, хотя оно есть и на вашем браслете связи. Но я кое-что скорректировал, объясню вам почему, а вы потом пометите это в расписании на своём браслете. Айла Тали... я могу называть вас Софией?

— Да, конечно, — сказала она тихо, не понимая, зачем он вообще спрашивает. Управляющий вот не спрашивал.

— София, до обеда мои дети обычно разделены. Они разного возраста, поэтому Александр находится с аньян, а Агата — с учителями. Я отменил все занятия на две недели — хочу, чтобы они привыкли к вам. Находитесь с ними подольше, общайтесь, занимайтесь, чем душе угодно, — считайте, что у детей сейчас каникулы. В дальнейшем вернёмся к прежнему режиму, вы пока можете его изучить.

— Да, ваше величество, я всё поняла. Наверное, они были рады? — спросила София, улыбнувшись — представила, как ликовали бы Элиза и Роза.

— Они ещё не знают, — покачал головой его величество, ответив на её улыбку. — Пойдёмте, скажем им об этом вместе. Заодно официально передам их в ваши руки.

— А кто с ними сейчас?

— Слуги чередуются. — Император чуть поморщился. — Я надеюсь, что с вашим появлением этому безобразию придёт конец. Плохому Агату и Александра, конечно, не научат, но всё же каждый человек должен заниматься своим делом. Идёмте.

Он развернулся и пошёл... к камину. Дойдя до него, оглянулся на Софию.

— Идёте?

Она вспыхнула одновременно от страха и смущения, увидев его немного лукавую улыбку.

— Через... камин?

— Так быстрее. — Он пожал плечами. Почти без эмоций — если не считать насмешливых искорок в чёрных, как ночь, глазах. — Не бойтесь, со мной вам ничего не грозит. Впрочем, если вы боитесь, можете дойти по коридору. Наверняка тот, кто сопровождал вас сюда, показал и детскую.

— Показал. Но я не боюсь. Да, мне боязно, но я не боюсь.

— Боязно, но не боитесь? — Теперь он улыбнулся уже широко, откровенно, не тая веселья. — Я бы сказал, что это одно и то же.

— Нет, — возразила София, подходя к императору, и протянула ему ладонь. — Не одно и то же. Начиная с разных частей речи, заканчивая коннотацией.

Он взял её ладонь в свою руку, одновременно с этим поворачиваясь к камину лицом, и сказал, не переставая улыбаться:

— Потом расскажете мне, в чём разница, Софи. А пока идите за мной. — И, сжав её ладонь сильнее, шагнул в огонь.

Она шагнула следом, стараясь не думать, не сомневаться, хотя внутри всё кричало от ужаса, когда пламя обняло её, коснулось одежды, кожи, волос, словно поглаживая горячим языком... но действительно не обжигая.

Впервые в жизни Софии захотелось упасть в обморок.

Император, по-прежнему сжимая её руку, стоял посреди огня и казался его частью. Приглядевшись, хотя глаза слепило от такого огромного пламени, София поняла, что так оно и было, потому что Арен... его величество и сам горел, выпуская из себя огонь.

— Мне нужно построить лифт, — сказал он, изучая Софию нечитаемым взглядом. — Для этого всё же лучше использовать две руки. Хотя я могу и одной, но это риск. Подойди ближе.

Она шагнула вперёд, вздрагивая от ощущения ластящегося к ней, как котёнок, огня, и через секунду прерывисто вздохнула — император положил её ладонь себе на грудь.

— Ни в коем случае не отходи от меня, — произнёс он тихо, поймав её взгляд. — Поняла?

София кивнула — она прекрасно понимала, что контакт нужен для того, чтобы её не сжёг окружающий их огонь. И только тогда император начал строить пространственный лифт.

Что ж... пожалуй, он действительно мог воспользоваться одной рукой. Пространственная магия явно была коньком его величества — он строил лифт всего секунд пятнадцать. София, которой лифты всегда казались особенным магическим кошмаром, осталась под впечатлением.

Когда его величество вписал в формулу константу перемещения, пламя вокруг них побелело, и через несколько мгновений император, подхватив Софию на руки — она даже охнуть не успела, — вышел из другого камина.

Император сразу поставил её на пол, а навстречу им уже неслись две маленькие фигурки.

— Папа, папа! — то ли пищали, то ли кричали Агата и Александр, налетев на отца, словно две молнии. Он засмеялся, сел на корточки, расцеловал и обнял обоих.

— Мы думали, ты на совещании! — сказала Агата радостно. — А ты... ты решил привести нам Софию, да?

— Да. — Он кивнул, погладил дочь по щеке. — А на совещание я сейчас пойду, меня ждут. Обещайте, что будете вести себя хорошо.

— Обещаем! — торжественно возвестила Агата и ткнула Александра локтем в плечо.

— Ага! — подтвердил мальчик, и София не выдержала — улыбнулась во весь рот. Какие же прекрасные дети!

— Отлично! — Император встал с корточек и кивнул застывшей неподалёку женщине в тёмно-синей форме: — Глория, можете идти, я оставляю их с Софией. Возвращайтесь к своим обязанностям.

— Да, ваше величество, — выдохнула женщина с явным облегчением и почти побежала к выходу.

Император вновь посмотрел на детей и торжественным тоном объявил то, о чём говорил не так давно Софии:

— Агата, Александр, на этой и следующей неделе у вас объявляются каникулы.

Пару секунд дети молчали, непонимающе глядя на отца, а потом лица посветлели, причём синхронно, такое София видела только у близнецов.

— Да-а-а?! — протянула Агата, а Александр хлопнул в ладоши. Кошмар! Такой маленький ребёнок знает значение слова «каникулы»...

— Да. Никаких уроков, занимайтесь с Софией, чем хотите. Сейчас я вас оставляю, определитесь, что будете делать. Надеюсь... — Его величество чуть слышно вздохнул, посмотрев на браслет связи. Проверял время? — Надеюсь, что я увижу вас за обедом.

— Постарайся, пап, — произнесла Агата негромко и совсем по-взрослому. Император кивнул и обернулся к Софии.

— Удачи, и связывайтесь со мной, если что, — сказал он и через секунду, вновь шагнув в камин, растворился в его огне.

— Чем займёмся? — спросила София, как только его величество ушёл, и улыбнулась детям. — Есть предложения, ваши высочества?

— Вы можете называть меня Агатой и на «ты», — сказала девочка серьёзно. — И Александра тоже. Так Вирджиния делала. Это другие... которые после неё были... не хотели. Потому что я — наследница!

— Думаешь, они были не правы? — поинтересовалась София. Ей действительно стало любопытно, почему Агата не очень хорошо относилась к обращению, которое полагалось по этикету.

— Да. — Ребёнок кивнул и продолжил явно словами своего отца: — Потому что в первую очередь мы дети, а потом уже всё остальное. Поэтому «выкайте» нам, пожалуйста, только на официальных церемониях!

«Интересно, а при императрице как?» — подумала София, но спрашивать не стала. Это точно нужно узнавать не у детей.

— Договорились. Тогда и вы зовите меня не айлой Тали, а просто Софией. Какие предложения насчёт занятий? Агата, Александр?

К её удивлению, первым ответил мальчик.

— Мы можем показать вам дволец.

— Да! — тут же обрадовалась Агата. — Мы про дворец всё-всё знаем! Всё покажем! Вы же наверняка ещё ничего не видели, да?

— Ну, кое-что видела. Коридор на этом этаже и ещё парочку других коридоров, кадровую службу...

— А, это не интересно, — поморщилась девочка. — Вам бассейн надо посмотреть. И конюшню. И псарню! И зоокомнату! И оранжерею!

— Зайдём к маме? — спросил вдруг Александр и пояснил, вызвав у Софии приступ изумления: — Мама там работает.

«Императрица? Работает?..»

Это немного не состыковывалось с тем, что про её величество рассказывали слуги.

— У мамы родовой дар — умение обращаться с растениями, — сказала Агата. — С её помощью они лучше растут. Знаете, как здорово! Благодаря маме у нас все растения и во дворце, и в парке такие красивые! А оранжерея! Вы знаете про оранжерею, да?

— Да, конечно. Про неё все знают. Парк и научный центр, где выращиваются редкие виды растений и содержатся уникальные животные. В основном птицы.

— Да-да! — закивал Александр. — А мама там работает. Она будет рада, если мы зайдём!

Честно говоря, заходить к императрице Софии совсем не хотелось. Но с другой стороны — когда-нибудь она должна будет с ней познакомиться, так почему не сейчас? Это вообще странно — новой анян занимался только император, а её величества будто бы и не существовало. Неужели она настолько против нетитулованных?

— С чего начнём? С оранжереи?

— Нет, — помотала головой Агата. — Давайте сначала мы проведём вас по этому этажу, здесь много интересного. А потом в оранжерею. Перед обедом. И маму с собой захватим!

— Чтобы не пропускала обед? — улыбнулась София.

— Мама редко пропускает. А вот папа — часто, — произнесла Агата и немного печально вздохнула.

К огромному сожалению обоих детей и не менее огромному — Софии, вместе с ними смотреть дворец отправились двое охранников — те самые, которые стояли у двери в комнаты наследников, когда она шла к себе вместе с Треем. Она понимала, что это неизбежно, и была готова, но всё же постоянное присутствие сзади двух здоровенных мужиков оказалось намного более раздражающим, чем она поначалу думала.

— Вы потом привыкнете, — шепнула Агата, когда они направлялись к первому пункту назначения — бассейну. — На это просто нужно время.

— А ты что-то чувствуешь? — спросила София с интересом. — Как эмпат?

Девочка чуть смутилась.

— Да, немного. Но я не всегда чувствую эмоции, они приходят волнами... То совсем ничего нет, то почти шквал. Но папа научил меня ставить щит, чтобы было полегче. Я сейчас как раз поставила.

— А со щитом совсем ничего не чувствуешь?

— Нет, не совсем. Но почти. Доносятся только слабые отголоски эмоций, если они очень сильные. Но сильные эмоции бывают не слишком часто.

— Да? — удивилась София. — А мне казалось, что вообще все эмоции сильные...

— Не-ет! — Агата засмеялась. — Большинство — слабенькие, вообще не поймёшь, что это. А сильные эмоции... Ну вот когда вы впервые вошли к папе в кабинет и испугались — тогда эмоция была сильной. Но она быстро ослабела. А потом вы просто... — девочка запну-

лась, подбирая слова, — ...просто мягко и тепло светились. Как ночник. Это очень приятные эмоции. Другие аньян, которые у нас работали, не светились. С ними было холодно.

— А с Вирджинией?

— С ней — тепло, — Агата вздохнула. — Но у неё родились внуки. Она теперь будет их воспитывать, а к нам только в гости приходить. Вы её непременно увидите! Ну вот, мы дошли. Эта дверь — вход в бассейн.

— Позвольте, — с обманчивой мягкостью сказал один из охранников, мужчина постарше, и, обогнув наследников вместе с Софией, первым распахнул широкие двустворчатые двери. Конечно, резные. Вырезано на них было что-то похожее на морские волны. — Всё, теперь можете заходить.

Огромное помещение, выложенное мелкой плиткой разных оттенков синего, почти полностью занимал бассейн с не менее синей водой. Несколько белых креслиц, в которых можно было и лежать, и сидеть, находились рядом с лестницей, ведущей в воду, остальные в сложенном виде стояли в углу комнаты. Моментально захотелось снять с себя всё и хорошенько наплаваться. Вот интересно, а ей можно приходить сюда в свободное от работы время?

Хотя... будет ли оно вообще?

— Здолово, плавда? — спросил Александр и указал на узкую дверь в противоположном конце помещения. — А там лаздевалка.

— Ты умеешь плавать? — поинтересовалась София и улыбнулась, когда мальчик кивнул. — А ты, Агата?

— И я. Но папа плавает гораздо лучше нас. Потом увидите!

Сердце дрогнуло, зашлось, и София подумала: «Интересно, а это какие эмоции — сильные или не очень?» Ей казалось, что сильнее уже невозможно, но она ведь не эмпат...

Сможет ли Агата почувствовать, что она ощущает к её отцу, или нет? А он сам? А если почувствует и поймёт — уволит ли?

«Глупости. В конце концов, это же не преступление!»

— Пойдёмте, покажем вам салон! Папа называет его «отдыхательной комнатой». Там пианино есть. Вы играете? Наверное, да, Вирджиния играла.

— Лестно, что ты считаешь меня не менее опытной, чем Вирджиния, Агата, — засмеялась София. — Да, я умею играть. По правде говоря... — Девушка понизила голос и чуть наклонилась, словно хотела сообщить детям тайну. — Игра на пианино, пение и рисование всегда давались мне легко, а вот шитьё и вышивание — наоборот.

— Ой, я тоже не люблю шить и вышивать, — закивала Агата, а Александр повторил, хотя вряд ли ему кто-то давал в руки иглу. — В отличие от нашей тёти Анны. У неё даже салон платьев в столице есть! А вы сказали, что рисуете, да?

Вот с такими любопытными блестящими глазами принцесса становилась похожей на обычную девочку. Серьёзность исчезала, сменяясь возбуждённым интересом, — и Софии нравились эти изменения.

— Рисую. Показать?

— Да-а-а! — сказали дети хором, а Агата добавила: — Мы с Алексом очень любим рисовать! Вирджиния говорила, у нас талант.

— Тогда и вы покажете мне свои рисунки, — улыбнулась София и засмеялась, когда наследники радостно выбежали из комнаты с криками: «Сейчас принесё-ё-ём!»

Конечно, она не знала, что её ждёт дальше, но пока ей казалось, что всё складывается очень удачно.

Между совещаниями с представителями комитетов у Арена осталось немного времени, и он связался по браслету с одним из охранников детей. Парням были даны строгие указания не только охранять, но и следить за тем, как новая аньян справляется с обязанностями. Благо охранникам было с чем сравнивать — оба работали во дворце давно и Вирджинию застали.

— Как дела, Крис?

— Всё хорошо, ваше величество. Они сейчас в салоне. Агата и Александр показывали айле Тали свои рисунки. А теперь рисуют.

Император, хоть перед ним и лежала стопка финансовых отчётов, не удержался от слабой улыбки.

— Что думаешь?

— Пока всё неплохо, ваше величество. Вам бы тоже понравилось, если бы вы видели. Если бы он видел...

Арен покосился на часы. До следующего совещания целых двадцать минут.

Он успеет.

Когда император вышел из камина в салоне, ему сразу стало весело. Агата, Александр и София, расположившиеся на ковре посреди комнаты, совершенно не обратили внимания на его появление — прямо перед ними был расстелен большой лист бумаги, на котором они в шесть рук что-то рисовали.

Арен подошёл ближе, и настроение ещё немного поднялось — там, на рисунке, было море. Александр раскрашивал голубой краской небо, Агата пыталась над лазурными оттенками волн, а новая аньян... Она рисовала корабль. Совершенно чудесный парусник, парящий над волнами.

— Папа! — воскликнул Алекс, первым заметивший его. Сразу после этого восклицания Арен ощутил нечто, похожее на то чувство, что уже приходило к нему в миг, когда он выбирался из камина в комнату Софии. Он никак не мог в нём разобраться, но это чувство, несомненно, было приятным.

Погладив по головам вскочивших детей, Арен встал неподалёку, кивнул охранникам — те, наоборот, отошли подальше. София тоже хотела встать, но он махнул рукой:

— Не нужно, творите. Я ненадолго, просто решил вас проведать.

И вновь это чувство. Тёплое, дрожащее, как ласковое касание весеннего солнца.

— Я рада, — сказала аньян, чуть улыбнувшись, и в этой неловкой улыбке Арен увидел отражение чувств Софии. Она не врала — действительно радовалась. — У ваших детей несомненный талант. Я просто поражена. Предложила им нарисовать одну картину на троих, у каждого — своя задача. И посмотрите, какое чудесное небо нарисовал Александр. А море Агаты! Вот здесь даже видны подводные камни... и рыбы!

Плеснуло восторгом — теперь Арен уже был уверен в том, что София чувствовала именно восторг. Ей нравилось то, что рисовали его дети.

— Ваш парусник не хуже нашего моря и неба! — сказала Агата горячо, и по её покрасневшим щекам император понял, что эмоции Софии пробили эмпатический щит дочери. Пока это частенько случалось. — Да, пап?

— Да. Верни щит на место, моя радость.

— Ой...

София удивлённо покосилась на Агату, которая резко зажмурилась — она всегда так сосредоточивалась, — и Арен пояснил:

— Щит от эмоций. Его пробило.

Девушка моргнула — и тепло, которое шло от неё, вдруг сменилось волной холода.

— Пробило?... Из-за меня?

— Нет, — сказал Арен, но Агата его перебила:

— Что вы, конечно нет! Я просто ещё плохо управляюсь с магией. Мне надо учиться.

— Хорошо, — вздохнула София, явно испытав облегчение. Холод схлынул — и императору вдруг захотелось, как довольному жизнью коту, погреться на ласковом солнышке. Но когда тут греться? Пять минут до совещания.

— Мне пора, — произнёс он и, ещё раз погладив наследников по мягким волосам, обратился к Софии: — Мне доложили, что дети решили показать вам дворец. Гуляйте пока по этому этажу, в оранжерею не ходите. Я познакомлю вас с её величеством за обедом. Наша прежняя аньян обедала с нами, и вы будете делать так же.

Тепло задрожало — будто забеспокоилось. Что ж, это объяснимо — Софию наверняка предупреждали о сложном характере его жены.

— А ты придёшь на обед? — сразу уцепились за фразу дети. — Придёшь, да?

— Приду, — улыбнулся Арен, подумав про себя: пошло всё к демонам, сегодня он должен пообедать. Потому что, если он не придёт, Виктория вместо супа съест эту бедную девочку. А ему пока не хотелось отдавать Софию на растерзание жене. Всё же новую аньян очень хорошо приняли дети... И это куда важнее капризов Виктории.

Уже выходя из камина в кабинете, Арен связался по браслету с единственной постоянной служанкой супруги. До совещания оставалось две минуты, и ему как раз хватило времени на быструю просьбу.

— Матильда, докладывай мне, пожалуйста, обо всём, что говорит Виктория про новую аньян. И с кем она её обсуждает. Всё, что услышишь.

Матильда понимающе усмехнулась. Эта женщина родилась и выросла во дворце, она была личной служанкой матери императора — чего она могла не знать об интригах?

— Да, ваше величество. Разумеется.

У обоих наследников обнаружился талант к рисованию, и София мысленно возликовала, предвкушая увлекательные уроки. Интересно, от кого Агата и Александр унаследовали способности? Представить императора рисующим она почему-то не могла. Может, императрица?

Почти до самого обеда София и наследники рисовали. Только немного прошлись по коридору — дети показали своей новой аньян тренажёрный зал и небольшую библиотеку, полную исключительно детских книг. Впрочем, небольшой она была только по сравнению с основной библиотекой, как поняла София. В остальном же — огромная комната, полная стеллажей с разноцветными книжными томами, уютные диваны и, самое удивительное — настоящие качели, настолько широкие, что на них могли поместиться сразу пятеро детей.

На этих качелях они и качались с Агатой и Александром, когда в библиотеку заглянул один из слуг и, чуть поклонившись, проговорил:

— Ваши высочества, айла Тали, прошу следовать за мной. Пора обедать.

Софии уже давно хотелось есть, но, как только она услышала эти слова, аппетит вдруг пропал. Обед означал знакомство с императрицей, а у девушки возникло ясное предчувствие, что ничего хорошего из этого знакомства не получится.

«Глупости, Софи, — сказала она себе мысленно. — Император с этой женщиной восемь лет в браке. Они родили двоих детей. Значит, с ней как-то можно договориться. Ты же аньян её детей, одно только это уже неплохой аргумент».

«Угу, — хмыкнул в ответ внутренний скептик. — Сравнила себя с императором. От него-то никуда не деться, а вот аньян можно и поменять».

Чуть поморщившись и отринув подобные мысли, София поднялась с качелей и вместе с наследниками пошла в столовую следом за слугой. Замыкали шествие два молчаливых охранника.

Столовая оказалась небольшим помещением, посреди которого стоял длинный стол, покрытый белоснежной скатертью. Стены были оклеены тканевыми обоями с растительным орнаментом, а на них, если не считать немагических светильников, висели только разнообразные натюрморты, в основном с фруктами. У самой дальней от входа стены располагался малый пространственный лифт — через него, как София понимала, должны были доставлять еду из кухни. Возле лифта стояли двое слуг в белой форме.

Охранники словно растворились, как только она и дети вошли в столовую, — София даже не успела заметить, куда и когда они делись. Остались только слуги.

— Садитесь, ваши высочества. И вы тоже, айла Тали. Сюда, пожалуйста, — сказал сопровождающий. София опустилась на предложенный стул с мягким сиденьем и огляделась.

Слева от неё, держа идеально прямые спины, усаживались дети, деловито раскладывая на коленях алые тканевые салфетки с золотым шитьём, изображающим золотого орла. Справа, во главе стола, стоял стул, больше похожий на резной деревянный трон, а за ним горел камин, и София поняла, что там должен сидеть император. Она сама находилась от него по левую руку, значит, императрица будет сидеть прямо напротив неё, по правую...

Но пока её величеств не было, зато в столовую заходили какие-то другие люди.

Первой вошла невысокая молодая женщина в тёмно-красном платье, с волосами, убранными под золотую сеточку.

— Тётя Анна! — воскликнула Агата, на секунду утратив взрослую серьёзность. — А вы сегодня с нами обедаете?!

— Да, моя хорошая, — ответила женщина, мягко улыбнувшись. «Принцесса Анна, сестра императора», — вспомнила София, поймав на себе любопытный взгляд, быстро встала и поклонилась, как положено по этикету. — И не только я. Ваш отец просил прийти и меня, и Анастасию, и Адриана, и тётю Ванессу. Простите, Адель я не привела, она ещё болеет.

— Ой, как замечательно! — почти подпрыгнула на стуле Агата и обратилась к Софии, которая уже опускалась на своё место: — Мы редко обедаем вместе. Особенно после...

Что «после», София не услышала — принцесса Анна, расположившись на соседнем от места императрицы стуле, громко сказала, словно желала остановить Агату:

— Значит, вы — наша новая аньян? Рада познакомиться. Я Анна, старшая сестра Арена и тётя Агаты и Александра. У меня есть годовалая дочка, её зовут Адель, и вы с ней тоже скоро познакомитесь. У моей малышки нет аньян. — Принцесса развела руками. — Я сижу с ней сама... пока что.

— Софи может быть аньян Адель, — сказал Александр важно и торжественно, словно указ зачитывал. — Будем играть вместе!

Анна засмеялась, и София поймала себя на мысли, что сестра императора ей, пожалуй, нравится. В ней чувствовалось что-то уютное и совсем не торжественное — словно она пришла в эту столовую из кухни или ателье. Её легко можно было представить среди противней с пирожками или с иголкой и ниткой в руках. Удивительно — потому что как маг принцесса была очень сильной, не намного слабее императора.

— Я смотрю, не успели мы получить новую аньян, как дети уже рвут её на части, — раздался чей-то весёлый голос у входной двери, и София, повернув голову налево, увидела темноволосого молодого человека с синими глазами и широкой улыбкой. Она вновь встала и поклонилась. — Это похвально. Значит, хорошо исполняет свои обязанности. Да, Алекс?

— Да, — кивнул мальчик не менее важно, чем раньше. — Софи, это Адлиан, наш двоюродный брат.

— Всё верно, — хмыкнул мужчина, садясь рядом с принцессой Анной. — Только не Адлиан, а Адриан. Можно просто Риан, — предложил он доверительно и так улыбнулся, что София на мгновение опешила. Заигрывает?..

— Выключи-ка ловеласа, Риан, пока Арэн не пришёл, — Анна шутливо шлёпнула племянника ладонью по плечу. — А то...

— Испепелит? — Молодой человек поиграл бровями, принцесса нахмурилась, а от входа раздалось ледяное:

— Не стоит шутить на эту тему, сын.

София, не успевшая сесть, вновь повернула голову — возле двери стояли две женщины. Одна была чуть старше Анны — очень светлые, почти белые волосы, такая же светлая кожа и глаза — точь-в-точь как у Адриана, синие, словно небо в ясный день.

Рядом стояла молодая девушка одного с Софией возраста, она была практически полной копией матери.

— Прости, — Адриан поднял руки, и улыбка с его лица исчезла. — Не подумал.

— Ты крайне редко думаешь, по крайней мере головой, — резко произнесла женщина, подходя ближе, но тут же, потеряв интерес к сыну, обратилась к Софии: — Добрый день. К сожалению, не имею чести знать вашего имени. Меня зовут Ванесса, я мать Адриана и... — она коснулась руки своей дочери, — Анастасии.

Теперь всё встало на свои места. И почему нельзя шутить на тему «испепеления», и многое другое.

Ванесса — жена принца Аарона, предателя, которого император сжёг заживо на Дворцовой площади в День Альганны.

— Меня зовут София Тали. Приятно познакомиться, — поклонилась София, невольно сочувствуя этой женщине. Как же ей, наверное, нелегко. Муж — предатель, а его брат, с которым она сейчас будет сидеть за одним столом, убийца мужа.

— И нам, — сказала Анастасия голосом, похожим на звон колокольчика. — Мы любим обедать вместе, но редко получается.

— Особенно у дяди Арена, — съязвил Адриан, и София слегка удивилась, услышав из его уст «дядя», — всё же император был старше своего племянника не более чем на десять лет.

— Папа вообще особенный, — громко сказала Агата, но ответить ей никто не успел: огонь в камине ярко вспыхнул.

София от неожиданности села и нервно сглотнула — внутри разом похолодело, словно она ледяной воды напилась. А из камина уже выходил император... и не один. На руках он, как Софию несколькими часами ранее, нёс женщину в тёмно-зелёном брючном костюме, похожем на обычный рабочий костюм садовника. Её светлые волосы были заплетены в толстую косу, и София неожиданно вспомнила, что говорила Агата про работу императрицы в оранжерее. Видимо, оттуда его величество и выдернул жену. И то ли у неё не было времени переодеться, то ли она сама не захотела. Впрочем, несмотря на простоту, костюм оказался вполне приличным и ни капельки не грязным.

Император, перешагнув заграждение камина, осторожно опустил супругу на пол, и Агата с Александром тут же загремели стульями, вскакивая из-за стола. Они метнулись к матери молча, без восторженных криков — просто подбежали и обняли.

А София смотрела на лицо императрицы. Холодное и надменное поначалу, оно смягчилось, как только та коснулась ладонями макушек детей, погладила их по волосам и прижала на секунду крепче. Удивительно, но в этой короткой ласке, почти незаметной постороннему взгляду, было столько заботы и нежности, что София сразу перестала бояться.

Возможно, эта женщина никогда не полюбит её, да она и не обязана. Главное, что сразу почувствовала София и что для неё всегда было самым важным, — это любовь к детям. А с остальным она справится.

А ещё императрица показалась ей очень красивой — прекрасные светлые волосы, заплетённые в косу, на висках и у лба чуть кудрявились, придавая строгому и холодному лицу чуть детскости и трогательности. Само лицо было настолько правильным и точёным, словно это картина или кукла, а не живой человек. И фигура, и нежная светлая кожа, и прекрасный цвет голубых глаз — всё было совершенно.

«Не удивительно, что его величество полюбил такую женщину», — подумала София, вновь поднимаясь с места и чуть приседая.

— Добрый день, ваши величества.

— Садитесь, София, — сказал император, кивнув. В отличие от жены, которая показалась Софии немного напряжённой, особенно когда заметила её, его величество был абсолютно спокоен. — В следующий раз можете не вставать, это ведь не официальный приём. — Он обвёл глазами столовую. — Добрый день всем.

София опустила на стул, краем уха уловив, как остальные здороваются, а сама пыталась не отводить взгляда и не отворачиваться — императрица смотрела на неё, и это было бы невежливо.

— Можно начинать, — произнёс император, усадив жену и Агату с Александром. Сел сам и продолжил: — Виктория, познакомься с Софией Тали, она с сегодняшнего дня аньян наших детей.

— Рада, — проговорила императрица холодно. — Надеюсь, вы продержитесь дольше, чем предыдущие кандидатки.

— Я постараюсь, ваше величество, — ответила София так почтительно, как только могла.

— Не сомневаюсь, ведь вы... — начала Виктория, чуть повысив голос, но император перебил её, обратившись к Агате и Александру:

— Вы дорисовали свою картину, дети? Я могу потом посмотреть на результат?

— Да, пап, — улыбнулась Агата, поглядев на Софию, а Александр энергично закивал. — Дорисовали. Так здорово получилось! А после обеда Софи обещала, что поучит нас рисовать собственные портреты.

— Замечательно, — император довольно улыбнулся, а Виктория уже спрашивала:

— Картину? Портрет?..

— Мы сейчас расскажем! — хором воскликнули наследники — и стали рассказывать.

Её величество и остальные присутствующие внимательно слушали, и к концу этого эмоционального рассказа даже императрица немного оттаяла и чуть улыбнулась. Не Софии, конечно — детям.

Слуги расставили перед присутствующими тарелки с закусками, и обед начался.

Рассказ Агаты и Александра чуть разрядил обстановку, ставшую напряжённой после появления правящей четы — и София не была уверена, что дело здесь только в ней. Да, она не была эмпатом, но предполагала, что Ванессе, жене убитого императором Аарона, и её детям вряд ли тут комфортно. Даже если они не имели отношения к заговору — а они наверняка не имели, раз его величество оставил их при дворе, — это всё равно непросто.

Самой непринуждённой выглядела принцесса Анна, и по взглядам, которыми иногда обменивались она и император, София поняла, что эти двое не только брат и сестра, но и друзья. Они словно вели друг с другом безмолвный диалог, понимая при этом всё. Пару раз София замечала, как Анна подхватывала инициативу брата, уводя общий разговор в противоположную от опасных тем сторону, и он глядел на неё с благодарностью.

Виктория, несмотря на то, что дети были настроены к Софии более чем доброжелательно, периодически пыталась её уколоть. Какой-нибудь ерундой — то интересовалась с холодной улыбкой, умеет ли она пользоваться ножом для рыбы и десертной вилкой, то просила рассказать, какие наказания для детей София считает допустимыми, то спрашивала, не испытывает

ли она неловкости, сидя за одним столом с таким количеством аристократов — ведь не было же раньше у неё такого опыта, верно?

Вместо Софии на этот вопрос ответил император.

— Дорогая, думаю, что я гораздо более неловко чувствую себя на Совете архимагистров, чем София в данный момент. В окружении дураков всегда как-то теряешься.

— Арен! — возмутилась Виктория, но секунду спустя хихикнула и вдруг стала похожа на маленькую шкодливую девочку.

— Вот именно, дядя Арен, — нарочито укоризненно покачал головой Адриан, пока остальные смеялись. — Чему ты учишь Агату и Александра?

— Плохому, разумеется, — ответил император, подмигивая детям. — А хорошему их научат учителя и София. Верно, ребята?

— Да, пап, — хором воскликнули наследники, глядя на отца с искренним обожанием.

В целом Арен остался доволен тем, как прошёл обед. Его стратегия сработала — дети и остальные родственники отвлекали Викторию от Софии, и супруга так и не смогла сосредоточиться на желании унизить новую анян. Кроме того — и император видел это так же явно, как пальцы на своих руках, — Виктория колебалась, наблюдая, насколько хорошо Агата и Александр приняли Софию. И он надеялся, что со временем благоразумие, которым жена всё же обладала, пересилит нежелание общаться с нетитулованной особой и страх перед тем, что Арен заведёт себе любовницу.

Любовницу... Перед глазами яркой вспышкой возникло лицо Софии, и Арен улыбнулся — на таких девушках можно только жениться. Какая из неё любовница? Она же себя от угрызений совести сожрёт быстрее, чем разденется.

Впрочем, у Виктории, возможно, какое-то другое мнение, она всё-таки женщина и видит иначе. Но интересоваться этим вопросом Арен не собирался — ему и так было чем заняться.

— Комиссия в сборе? — спросил он у секретаря, бросив быстрый взгляд на часы.

— Да, ваше величество. И с ними ещё Эн Рин... то есть Эн Арманиус и Рон Янг.

— Прекрасно. Тогда запускайте их сюда. — Арен отложил очередной отчёт, на этот раз о дворцовых делах, и выпрямился в кресле, глядя на дверь.

Комиссия по родовой магии... Он довольно долго откладывал разговор, надеясь, что его помощь не понадобится. Всё же, принимая титул императора, Арен клялся хранить тайну своего наследия. Но сейчас на карту было поставлено гораздо больше, чем просто чьи-то амбиции.

Интересно, а отец понял бы это? Нет, скорее всего, бывший император даже отчитал бы сына за подобные крамольные мысли.

— Значит, к лучшему, что тебя уже нет в живых, — пробормотал чуть слышно Арен, глядя, как заходят в кабинет члены комиссии.

Точнее, первой вошла совсем не член комиссии, а заместитель главного врача Императорского госпиталя Эн Арманиус, не далее чем месяц назад носившая фамилию Рин. Она и ректор Магического университета были единственной столичной парой, сочетавшейся браком после принятия закона о титулах. Причина игнорирования этого закона крылась, по мнению Арена, в родовой магии. Нетитулованные маги ею не обладали, и аристократия боялась лишиться уникальных свойств родовой крови. Справедливо они боялись или нет — император не знал. Но ему было что рассказать комиссии, и уже давно.

Вошедшая в кабинет Эн неловко присела, чуть покачнувшись, и Арен поспешил сказать:

— Не нужно этого, просто садись.

От девушки плеснуло отчётливым облегчением, и она с благодарностью кивнула, располагаясь на одном из диванов справа от письменного стола. Пару секунд спустя рядом с Эн опу-

стился Рон Янг — талантливый молодой артефактор, разработки которого всегда очень хвалила его начальница, директор института артефакторики. Но присматриваться к этому юноше Арен начал совсем недавно — когда Янг стал связным-артефактом ректора Магического университета. А пару недель назад Янг впервые в истории смог перенести живое существо размером больше кошки — средних размеров собаку — через стационарный пространственный лифт.

Остальные члены комиссии тоже постепенно рассаживались, и император ощущал идущие от них волны удивления и недоумения. Ну да, на их месте он бы тоже не понимал, что здесь делают врач и артефактор. Ладно ещё артефактор, они тоже изучают родовую магию, но врач?..

— Что ж, добрый вечер, — сказал Арен, кивнув и обведя глазами присутствующих. Дождался, пока все прошелестят в ответ «добрый вечер», и продолжил, обращаясь к председателю комиссии, высокому седовласому мужчине: — Винсент, напомните мне, сколько лет вы и ваши коллеги работаете над разгадкой тайны родовой магии?

— Пятнадцать, ваше величество, — ответил председатель, чуть напрягшись. Скорее всего, воспринял как упрёк. — Начали ещё при вашем отце. Мы, конечно, совершили множество открытий, но главного так и не сделали, признаю.

— Я спросил не для того, чтобы обвинять вас в чём-то, Винсент. Я хотел бы, чтобы вы и ваши коллеги поняли, для чего я позвал уважаемых Эн Арманиус и Рона Янга. И Эн, и Рон зарекомендовали себя как неплохие учёные, уже совершившие несколько уникальных открытий. Эн — в области лечения больных со сломанным магическим контуром, Рон — в стационарных пространственных лифтах. И я хочу, чтобы они вошли в комиссию. Во-первых, вам нужен новый, свежий взгляд на вещи, а во-вторых, они — нетитулованные маги.

— Эн уже титулованная, — возразил Янг сердито, и император усмехнулся: артефактор смотрел на него очень недовольно, от него волнами шло раздражение. И Арен понимал почему — ведь он не спросил ни у Эн, ни у Рона, хотят ли они состоять в комиссии. Поэтому и не спросил, что они не захотели бы. Но придётся.

В конце концов, у него тоже никто не спрашивал, хочет ли он быть императором.

— Тогда я перефразирую: вы не аристократы по праву рождения и не обладаете той самой родовой магией, над разгадкой тайны которой бьются присутствующие.

— Но чем мы можем помочь, ваше величество? — спросила Эн осторожно. Арен прислушался к её эмоциям — нет, она не боялась. И, в отличие от Янга, совсем не сердилась. Скорее, ощущала лёгкое беспокойство — вероятно, опасалась, что он выдаст её секрет, о котором Арену на днях рассказал Берг Арманиус, муж Эн. — Особенно я? Не представляю даже, с какого конца подходить к этой проблеме.

— Я сейчас расскажу кое-что ещё, — произнёс император, вставая из-за стола. — Но не здесь. Прошу всех следовать за мной.

Никто, кроме самого Арена, не знал, что в главном рабочем кабинете находится небольшая потайная комната. Стоило вынуть с полки несколько книг, нажать на стену за ними в определённом месте и, почувствовав, как палец легко колет тонкая иголка, забирая каплю крови, толкнуть шкаф вперёд — он отодвигался, освобождая проход в соседнее помещение.

— Здесь, к сожалению, всем негде разместиться, — пояснил Арен, заходя внутрь. — В эту комнату никому нет доступа, кроме императора, поэтому и кресло одно, и стол такой небольшой. Не слишком удобно для работы, но придётся потерпеть. Эн, садись.

Единственная женщина в их компании испуганно помотала головой.

— Спасибо, я постою...

— Садись-садись, — повторил Арен твёрдо. — Здесь и так мало места, кто-то должен сесть, и это будешь ты.

— Хорошо, — вздохнула Эн и всё же опустилась в кресло.

Остальные в это время рассматривали помещение, и император, глядя на выражения лиц членов комиссии, немного развеселился — такими обескураженными они были. Конечно, в самом наличии потайной комнаты не имелось ничего необычного, а вот в том, какой здесь был бардак...

В небольшом помещении полукруглой формы, кроме кресла и стола посередине, находились только книжные шкафы, заполненные, правда, далеко не одними книгами — какие-то бумаги, письма, альбомы, шкатулки с неизвестным содержимым... Всё это выглядело так, будто по комнате пронёсся ураган, разметающий предметы.

— Лучший способ что-то спрятать — устроить бардак, — хмыкнул Арен, открывая небольшую резную деревянную шкатулку, стоящую на столе. Стол вообще был единственным местом, где царил порядок — но просто потому, что на нём ничего, кроме этой шкатулки, не стояло и не лежало. — Итак... После коронации я унаследовал не только силу правящего монарха, но и маленькую шкатулку — не эту, а другую. В ней лежала инструкция, как попасть в комнату, где мы с вами сейчас находимся, а также предупреждение — о том, что там обнаружится, никому нельзя рассказывать. — Арен иронично улыбнулся. — Все мои многочисленные предки свято хранили тайну, и скоро вы поймёте почему.

— Ваше величество, — перебил его явно обеспокоенный председатель комиссии. — Может, не надо? Это ведь тайна вашего рода...

— О да, — император кивнул. — Вы правильно поняли, Винсент, тайна рода. Так над чем вы работаете последние пятнадцать лет? Над родовой магией. Я не знаю, насколько поможет вам в ваших исследованиях то, что я сейчас прочитаю. Но если поможет — буду рад.

— Мы всё равно не сможем никому рассказать, — пробормотала Эн. Арен опустил голову — она смотрела на него и легко, с пониманием улыбалась. Он улыбнулся ей в ответ и продолжил:

— Естественно. А теперь слушайте. — Император аккуратно достал из шкатулки древнее письмо, зачарованное, чтобы не рассыпалось от времени, и начал читать: — «Приветствую тебя, мой дорогой потомок. Я, первый император Альганны Алаистер Альго, обращаюсь к тебе из глубины веков. Храни и береги страну нашу, защищай её от порождений Бездны и помни — то, что ты здесь прочитаешь, ты никому не должен рассказывать».

— Бездны?.. — шепнул один из членов комиссии, и Арен, прервав чтение, кивнул.

— Да. Как я понял, так раньше называли Геенну.

«Когда я был маленьким, Альганны не существовало. Существовали вотчины, каждой из которых правил сильнейший магический род. И так продолжалось много, много веков, и войны были между ними, и споры за земли, и дружба, и предательство. Но однажды случилось то, что отец мой назвал Великим Разломом, — на севере, поглотив сразу несколько вотчин, возникла Бездна. И полезли из неё жуткие существа, и с каждым днём, с каждым часом Бездна ширилась, поглощая наш мир. Объединились тогда сильнейшие маги из всех магических родов и, создав мощное заклинание, заставили Бездну прекратить расширяться. И защиту поставили огненную, чтобы сгорала в ней часть тварей жутких. Но сделано это было ценой великой — все маги, что заклинание читали, погибли, отдав силу свою на удержание защиты. А насчитывалось их несколько тысяч человек.

Отец мой, Бернард Альго, был среди них главным, и он погиб, и мать моя. А меня короновали и сделали императором. Помни, потомок мой, что связан род Альго с Бездной, и только мы защиту удержать можем, на нас она завязана, на нашей крови.

А легенду про Защитника уже после придумали. И хорошо это — та власть крепче, что на вере зиждется. Поддерживай её, потомок мой далёкий, но помни — не боги то были, а люди обычные, маги сильнейшие, силу и жизнь отдавшие ради детей своих, ради будущего».

Закончив читать, Арен положил письмо обратно в шкатулку, закрыл её и только после этого поднял голову и посмотрел на присутствующих.

Выглядели они так, словно император по очереди ударил каждого лопатой по голове.

— Это всё, что я знаю, — сказал Арен спокойно. — У меня есть предположение, что здесь, в этой комнате, можно найти ещё какие-то документы о тех временах, но я не проверял. Я дам вам допуск — вы сможете смотреть и читать всё, что тут находится.

— Ваше величество... — начал Винсент хриплым, будто простуженным голосом, прокашлялся и продолжил: — Это что же получается, Защитник и Защитница...

— Это легенда. Легенда о двух богах, что спустились с неба, спасли Альганну и посадили на трон своего наследника — Алаистера Альго. Красивая легенда. — Арен улыбнулся: он давно уже пережил то шоковое состояние, в котором пребывал сразу после коронации, прочитав это письмо. — Но, как вы понимаете, не было никаких богов, были люди, и не двое, а намного больше.

— Скорее всего, дело в заклинании, — сказал Рон Янг. Выглядел он при этом немного безумно — бледный, глаза вытаращенные, волосы торчком. Пока слушал, пальцы в них запустил, что ли?.. — В этом заклинании, которое превратило Бездну в Геенну. Сильнейшие маги родов... Это же мощнейшая цепочка! Как артефакт, понимаете?..

— Нет, — отрезал Арен. — И, Защитника ради, не надо мне объяснять. По крайней мере, сейчас уж точно. Вам всем нужно успокоиться, переварить эту информацию, а затем приступить к дальнейшим исследованиям. Обсудите это между собой и... да, в пятницу доложите мне, что решили, Винсент. А сейчас все могут идти. Прошу прощения, — поправился Арен. — Все, кроме Эн Арманиус. Эн, останься на пару минут.

Она совершенно не удивилась этой просьбе — только выпрямилась в кресле, кивнув Янгу:

— Рон, подожди меня, пожалуйста, в коридоре.

Артефактор, обдав императора волной неудовольствия, вышел вслед за всеми, ничего не сказав, и когда шаги членов комиссии полностью стихли, Арен протянул Эн руку.

— Пойдём в кабинет. Там я тоже смогу сесть, и ты не будешь чувствовать себя так неловко.

— Да, это было бы неплохо, — вздохнула Эн, принимая его руку и поднимаясь с кресла. — А то мне постоянно хочется вскочить, и я не могу сосредоточиться. Хотя после этого письма в принципе сложно сосредоточиться...

— Это пройдёт.

Арен довёл девушку до одного из диванов, усадил, а сам опустился на другой конец сиденья. Он слишком хорошо помнил, как она боялась его раньше — до тошноты и паники, — и совершенно не желал, чтобы это ощущение вернулось.

— Я хочу попросить тебя кое о чём.

— Попросить? — Она едва заметно улыбнулась. — Значит, мне будет дано право отказаться?

— Да, Эн. В этом случае — да. Ты же знаешь, Берт на днях рассказал мне о твоей беременности...

— Голову ему оторву, — буркнула она беззлобно.

— ...и я тебя поздравляю. Но этот ребёнок — первый после принятия закона о возможности заключать браки между аристократами и обычными людьми. Он уникален. Я хочу просить у тебя разрешения изучать и его, и тебя. Конечно, никакого вреда или рисков для жизни — только изучение.

— Я понимаю. Думаете, я откажусь? — Она покачала головой. — Нет, ваше величество, я тоже хочу, чтобы у моего ребёнка была эта демонова — простите! — родовая магия. Пока я не чувствую в нём вообще никакой магии, но ещё рано. И если это поможет вашей комиссии... что ж, я согласна.

— Я рад.

На самом деле, Арен был уверен в ответе Эн — именно поэтому он сделал предложение в такой форме. Если бы он понимал, что она откажется, просто приказал бы.

— А я... могу я вас попросить?

От Эн плеснуло неуверенностью и опаской — и император неожиданно развеселился.

— Что, опять кровь? — спросил он, широко улыбнувшись, и с удивлением ощутил, как его собеседница мгновенно перестала бояться.

— Нет. Прядь волос...

— Ты продолжаешь свои эксперименты с резервом Берта? — поинтересовался Арен, вставая с дивана. Подошёл к письменному столу, взял ножницы, отрезал маленькую прядь возле шеи и, вернувшись, отдал её Эн.

— Спасибо, ваше величество, — сказала она, обдав императора такой бешеной радостью, что у него даже голова закружилась. — Да, я хочу попробовать связать сеть из...

— Ладно, ладно, — Арен махнул рукой, продолжая улыбаться. — Я понял. Иди, Эн. Если тебе понадобятся ещё волосы, ногти или какие-то другие части моего тела — обращайся.

Она кивнула, немного покраснев, и почти выбежала из кабинета.

Император проводил её взглядом и, погасив улыбку, подумал о том, что некоторые люди просто не умеют сдаваться.

— Но это и хорошо, — сказал он тихо сам себе, поглядев на часы, и повернулся лицом к камину. — Именно они и двигают мир.

София даже не заметила, как пролетел её первый рабочий день во дворце.

После обеда она, как и обещала, учила наследников рисовать собственные портреты, глядя в зеркало, и Агата с Александром смеялись, рассматривая кривенькие рожицы, получившиеся на бумаге. И восхищались тем, что вышло у Софии.

А потом дети показали, как перейти из их комнат в её — апартаменты соединялись между собой недлинным коридором, уставленным большими кадками с разными цветами. София улыбнулась, поняв, что проход по этому коридору занял бы не больше времени, чем перенос через камин. Забавная всё-таки привычка у его величества...

Агата, будто услышав её мысли, сказала, поглаживая розовый бутон одного из цветков:

— А вы смелее Вирджинии. Она никогда не ходила с папой через огонь, слишком боялась. А вы почему не испугались? Разве вам не было страшно?

София задумалась, подбирая слова. Агата и Александр смотрели на неё очень серьёзно — им явно был важен ответ.

— Было, конечно, страшно. Но ещё мне было интересно. Вы же наверняка знаете такое чувство — и страшно, и интересно.

— Да-а-а! — закивал вдруг Александр. — Мне было очень страшно на лошади первый раз. И интересно!

— И мне было страшно первый раз на лошади, — согласилась с братом Агата. — Но страшнее — когда эмпатия проснулась. И интересно тоже...

— Ну вот, — София улыбнулась. — Теперь вы понимаете, почему я полезла в камин с вашим папой.

— Вам было больше интересно, чем страшно, — засмеялась Агата. — А Вирджинии, значит, наоборот. А почему, как думаете?

— Даже не знаю... — Ну не говорить же, в самом деле, что она просто намного моложе их прежней анян? — Наверное, я слишком любопытна. Как в той сказке про любопытного мальчика, который всюду совал свой нос, а потом... помните, что случилось потом?

— Ему прищемили нос! — ответили дети хором.

— Молодцы! А расскажите-ка мне, какие у вас любимые сказки...

Около шести вечера, когда София уже начала ощущать небольшой голод, в детскую, где она читала наследникам сказки, вдруг зашла императрица. Улыбнулась детям, которые тут же вскочили с дивана и побежали навстречу матери, мазнула по Софии холодным взглядом и произнесла:

— Вы можете идти. Сегодня ваши услуги больше не понадобятся.

— А Софи с нами поужинает? — спросила Агата, глядя на её величество, и София, наблюдая за выражением лица девочки, почему-то подумала: «Опять с неё слетел эмпатический щит...»

— Нет, — ответила императрица, слегка скривившись. — Завтракать и ужинать ваша аньян будет со слугами.

— Не переживайте, — сказала София, мягко улыбнувшись наследникам. — Мы с вами завтра увидимся. А мне, по правде говоря, неплохо было бы познакомиться с остальными служащими, а то я тут никого не знаю.

— Вот и идите, знакомьтесь, — её величество небрежно махнула рукой на дверь. — Хорошего вечера.

— Спасибо, — поблагодарила София и, поймав беспомощный взгляд Агаты, подумала: «Что-то надо с этим делать, но что? Александр пока ничего не понимает, а вот Агата... мало того, что понимает — ещё и чувствует. Нехорошо разрывать ребёнка между двумя добрыми чувствами — к матери и аньян. Это плохо действует на детскую психику».

Возле выхода из детской стояло большое зеркало, и София, проходя мимо, невольно сравнила своё отражение с отражением императрицы. Её величество — такая утончённая, невероятная красавица, и София — рыженькая простушка. Неужели она считает, что...

Даже думать об этом было страшно. И на этот раз точно — страшно гораздо больше, чем интересно.

Глава 4

Утром в среду София проснулась за полчаса до того, как завибрировал её браслет связи — будильник на нём она поставила на семь, чтобы успеть умыться и позавтракать. К наследникам она должна была подняться только в девять.

Накануне вечером, оставив Агату и Александра с императрицей, София связалась с мамой и сёстрами. Рассказала, что могла, про свой первый рабочий день, обещала в ближайшее время постараться вырваться из дворца, выслушала кучу болтовни от сестёр и вдоволь насмотрелась в тревожные глаза мамы. Почему Синтия Тали так беспокоится, София решительно не могла понять. Хотя одна версия у неё всё же была, но... думать об этом совсем не хотелось.

После разговора с родными София спустилась вниз, на первый этаж, в столовую. Чтобы она не заблудилась, охранники вызвали слугу — мальчишку лет шестнадцати в зелёной форме, который болтал без умолку. Про императорскую семью он почти ничего не знал, бегал по поручениям других слуг и рассказывал в основном о них же.

Вот так София узнала, что у императора двенадцать личных слуг — четыре камердинера, четыре комнатных слуги (служанка среди них была всего одна, и та — пожилая женщина) и четыре секретаря. Все они верой и правдой служили его величеству много лет и ничего не болтали даже во дворце.

— А пару лет назад такое было! — воодушевлённо вещал Тедди — так звали мальчишка. — Дора — ну, служанка его величества — на полгода в другой город уезжала, к родственникам. И Бруно поставил императору новую служанку, Эли. Молоденькую совсем. Она месяца два во дворце работала, старательная была, прям вот дым из ушей шёл от усердия...

— А ты тоже в то время работал? — удивилась София. Мальчишка кивнул.

— Да, я как раз начал бегать по поручениям. У меня же и отец здесь, и мама, я тут вырос, чего бы не помочь? В общем, её величество как Эли увидела, так у самой дым из ушей пошёл, но не от усердия, — хихикнул Тедди. — Прям возненавидела её, ух! Мы, конечно, точно не знаем, но однажды Эли вся красными пятнами пошла — знаете, как от ветрянки. Из хорошенькой сразу стала страшной-престрашной!

— Какой кошмар, — пробормотала София. — Надеюсь, вылечили?

— Конечно! — кивнул Тедди. — Сам врач его величества, айл Тадеуш Родери, ею занимался. Эли потом перевели на этаж, где живёт принцесса Анна, там она до сих пор и работает личной служанкой её высочества. Может, увидите. Она, правда, ничего и никогда не рассказывала, но тут и так всё понятно.

— Думаешь, императрица?.. — София улыбнулась — насыпать красные пятна на служанку ей казалось не слишком умным поступком. В конце концов, во дворце этих служанок пруд пруди, и императору совсем не обязательно выбирать в любовницы ближайшую. Это даже неудобно — ещё начнёт плохо работать.

— Конечно! А кто же?

— Да мало ли...

— Она-она! Так что вы поосторожнее! Вы тоже молодая и симпатичная!

— Думаю, красных пятен на моём лице никто не заметит, — отмахнулась София. — Видишь, сколько у меня веснушек?

Чуть позже в столовой она познакомилась с другими слугами, но, конечно, не со всеми. Атмосфера здесь царила приветливая, никто не ругался и не надувал от важности щёки — наоборот, все приняли новую аньян императорской четы с доброжелательным интересом. Правда, пообщаться Софии ни с кем толком не удалось — кто-то торопился вернуться на работу, кто-то спешил домой. Было несколько семей, живших прямо во дворце, как и София, но им оказалось гораздо интереснее общаться между собой, чем с новенькой.

В столовой Софии понравилось. Помещение примыкало к дворцовой кухне, откуда слышался смех и разговоры поваров и доносились разнообразные вкусные запахи. Еды было вдоволь, к тому же постоянно выносили новую — вновь прибывшие слуги сметали всё практически мгновенно.

— Здесь так почти круглые сутки, — пояснила раздатчица — полная женщина в серой форме. — Народа много, кто когда приходит есть, поэтому готовим постоянно. Бери, что хочешь и сколько хочешь, не стесняйся.

Еда оказалась простой, но очень вкусной, и София с удовольствием съела до крошки и картофельную запеканку с мясом, и овощной салат, и маленький кусочек облепихового пирога. А уж вишнёвый компот!..

В общем, во время ужина страхи Софии насчёт работы и императрицы почти полностью забылись. Вернулись они позже, когда она поднялась наверх, в свою комнату. Как всегда, чтобы справиться с проблемами, София взяла бумагу и карандаш.

Чёрточку за чёрточкой она выводила на листе бумаги лицо её величества Виктории. Не суровое и не надменное, а такое, каким она видела его пару мгновений, когда императрица касалась ладонями макушек своих детей. Это лицо было не только красивым, но и очень светлым, расслабленным, умиротворённым — и София, закончив портрет, легла спать почти счастливой.

Вечер Арен провёл с женой и детьми, и чем больше восторгались Агата и Александр новой аньян, тем сильнее мрачнела Виктория. Александр ничего не замечал, а вот дочь смотрела тревожно. Она знала, что мама не любит нетитулованных, но с тем, до каких масштабов это может доходить, столкнулась впервые. И теперь пыталась понять императрицу, анализируя её чувства. Арен хорошо помнил, что сам поступал так же, когда дар только проснулся. Ему нравилось прислушиваться к тому, что ощущали другие люди, нравилось сосредотачиваться на эмоциях, чуть ли не раскладывать их на составляющие — хотя в случае с эмоциями это практически невозможно. Иногда, в присутствии нескольких человек, он глож, и отец страшно ругался, напоминая, что нужно постоянно поддерживать щит, пока не научишься правильно и грамотно пользоваться даром.

Агата училась и совершала те же ошибки, что и он сам в детстве. Она пока не могла понять до конца, что чужие эмоции не игрушки и не стоит в них копаться без сильной необходимости. Впрочем, сейчас необходимость была сильной.

Агате нравилась София, и это было абсолютно нормально — она понравилась бы любому эмпату. В этой девушке чувствовалось столько же света, сколько в самом Арене — тьмы, и как же хорошо, что членов семьи Альго не слышал никто из эмпатов!

София звенела от искренности, и все её эмоции были такими чистыми, что у императора иногда даже голова кружилась. Он прислушивался к ней в момент знакомства с императрицей, пытаясь нащупать хоть тень неприязни — всё же Виктория временами вела себя не слишком любезно, и сейчас, по отношению к Софии, в том числе. Но никакой неприязни не обнаружил. Ни малейшей. Даже наоборот — ещё в самом начале знакомства Виктория сделала нечто такое, отчего София вспыхнула ласковой симпатией, и Арену от удивления с трудом удалось удержать лицо. Что именно сделала его жена, он не имел ни малейшего понятия, но решил поинтересоваться у Софии при первой же возможности. Ему стало интересно.

Так же, как ему было интересно утром, решится она пойти через камин или нет и что при этом будет чувствовать. Арену и самому было смешно, что он занимается подобными вещами, но... демоны, это оказалось действительно здорово. Такое количество эмоций — от страха до

восторга, — и все ясные, чистые, абсолютные. И никакого отвращения к нему, даже наоборот — Арен чувствовал, что нравится Софии, и это радовало.

Он часто нравился женщинам, но иначе. В этих эмоциях ощущалось много грязи и расчёта. Ни того, ни другого он не мог разглядеть в Софии. Она состояла из одного света, и это очень грело. Никогда в жизни Арен не грелся эмоциями — только слышал о подобном от отца и ещё нескольких родственников и всегда отмахивался, считая это полнейшей ерундой. Арена грели только собственные дети, но их эмоций он не слышал.

Поэтому ничего удивительного, что Агата сразу и безоговорочно приняла в качестве анян именно эту девушку. А вот императрице София совсем не нравилась, и наследница, хмурия брови, изучала эмоции матери, забыв про эмпатический щит. Она хотела понять, в чём дело, не зная, что эмоции зачастую не поддаются анализу и бывают абсолютно нелогичными. Неприязнь Виктории была нелогична — ещё и поэтому дочь так нервничала.

Вечером Арен, понимая, что жену надо бы отвлечь, вновь пришёл в её спальню. И если поначалу супруга немного дулась — причём вряд ли она сумела бы объяснить, на что конкретно обижается, — то спустя некоторое время расслабилась, уткнулась носом ему в плечо и проворчала:

— Ещё парочка таких ночей, и у тебя будет трое детей.

— Вот и прекрасно, — Арен улыбнулся и поцеловал её в лоб. — Или ты против?

Эмоции были абсолютно прозрачными — ни хорошими, ни плохими. Кажется, Виктория сама не понимала, против она или за.

— С животом не хочется ходить.

Он засмеялся и погладил её по этому самому животу, сейчас совсем плоскому.

— М-м-м...

— Ничего, Вик. Это временно.

Через несколько минут жена, разнеженная и довольная, уснула, а вот Арену почему-то не спалось. Он то думал о комиссии по родовой магии, то о старшем брате, которого своими руками испепелил несколько месяцев назад, то вспоминал, как встретил Викторию. Эти воспоминания оказались самыми приятными, и Арен сосредоточился на них.

Восемь лет назад, когда он стал императором, во время первого же совещания с главами всех служб и комитетов ему заявили, что в Альганне должна быть ещё и императрица. Так полагается, ничего не сделать, таковы правила...

Арену в тот момент было и смешно, и грустно. Смешно — оттого что Вану Вагариус, глава службы безопасности, объявляя ему это, чувствовал себя очень неловко. А грустно — оттого что Арен знал: жениться действительно придётся.

— Подберите мне подходящие кандидатуры, Вану, — сказал император, оставшись наедине с безопасником. — Даю вам неделю.

— У вас есть какие-нибудь пожелания, ваше величество? — склонил голову мужчина.

Сначала Арен хотел ответить «нет», но секунду спустя подумал — в конце концов, он имеет право на капризы.

— В этом списке не должно быть брюнеток, Вану.

От безопасника плеснуло искренним изумлением.

— Простите?..

— Пусть моя жена будет блондинкой. Или рыжей, — усмехнулся Арен, глядя на огненную шевелюру Вагариуса. — Главное — не брюнеткой.

«Чтобы она никогда не напоминала мне погибшую невесту».

Ровно через неделю Вану принёс ему список из двадцати молодых аристократок. Красивые, ни в чём непристойном не замеченные и обладающие хотя бы минимальным магическим даром. Ну а как же — не может ведь император жениться на пустышке?

Арен проглядывал списки вместе с портретами, и ему стало слегка тошно. И как он должен выбирать? Все девушки оказались хорошенькими — хоть на всех сразу женись. И при этом ни одна ему не нравилась.

— Устройте приём, ваше величество, — сказал Вагариус осторожно. — Так делал ваш дед...

— У меня нет желания превращать дворец в цирковую арену, — покачал головой император. — Да и не поможет это. А вам кто больше всех нравится, Вано?

— Честно говоря, я в затруднении, ваше величество, — безопасник улыбнулся. — Все девушки вполне... Впрочем... По одной кандидатуре сотрудники, которым я поручил это дело, приходили советоваться. Девушка подходит по всем личным критериям, но семья... Род древний, а состояние промотано до копейки. Мои сотрудники сомневались, что её стоит включать в список.

— Включили?

— Да, ваше величество. Состояние — не то, что вам необходимо, поэтому...

— Верно. О ком речь, Вано?

Безопасник быстро нашёл в папке с документами нужную страницу и указал на портрет.

— Вот. Виктория Азалиус. Месяц назад исполнилось восемнадцать. Третий курс столичного Института прикладных наук, факультет природоведения.

С портрета на Арена смотрело очень милое, но очень несчастное лицо безумно красивой девушки. Волосы — чистое золото, а глаза — чистейшее небо.

— Не повезло ей с родственниками, ваше величество. До смерти матери всё было более-менее, а потом отец и брат пустились во все тяжкие. Ни гроша за душой не осталось, даже дом пришлось продать и переехать в крошечную квартирку. Оттуда Виктория сбежала в общежитие, когда поняла, что отец с братом хотят её повыгоднее замуж выдать. Она у них теперь единственная и главная ценность. Не уверен, что вам нужны такие родственники, но девушка-то не виновата, поэтому решил включить.

— Родственников не выбирают, — пробормотал Арен, просматривая досье. — Вот что, Вано... Мне нужно познакомиться с этими девушками, хотя бы с некоторыми, но приём не подходит. Давайте начнём с этой Азалиус, так проще всего. На следующей неделе я поеду с официальным визитом в Институт прикладных наук, там я должен её встретить. Как именно — придумайте. Только не пугайте ребёнка.

— Ваше величество, — фыркнул Вагариус. — Вы уж не называйте своих невест детьми, женитесь же потом на ком-то.

— Это будет потом.

Ровно через неделю Арен действительно поехал в Институт прикладных наук — заодно пообщался с ректором, посмотрел на состояние учебного заведения и выслушал кучу просьб. А потом была встреча с группой студентов, среди которых находилась Виктория. В жизни она оказалась ещё красивее, чем на портрете. Очень стеснялась, но не боялась. Арен беседовал со студентами целый час, стараясь вовлечь в беседу всех, кого пригнали для массовки, а не одну кандидатку в невесты — чтобы ничего не заподозрила и не закрылась ещё больше.

А потом один из студентов вдруг сказал:

— Ваше величество, а у нас тут слух прошёл, что вы приезжаете, потому что невесту себе ищете. Это правда?

Присутствующие девушки вспыхнули, в том числе и Виктория. Арен сосредоточился на её чувствах — неприязни не было, но он ощутил звенящее отчаяние.

— Возможно, — улыбнулся, обведя глазами присутствующих. — А возможно, и нет. Вам не кажется, юноша, что это слишком сложный путь?

— Зато более интересный, — развёл руками студент под общее сдавленное хихиканье. — Менее скучный. И кто же вам приглянулся, ваше величество?

Арен, продолжая улыбаться, посмотрел прямо на Викторию, и его затопило противоречивыми эмоциями. Да, ей было приятно, но и не по себе — тоже.

— Пусть это останется моей тайной.

Потом, после Виктории, он познакомился и с другими девушками из списка, но чувствовал во время общения исходящие от них волны страха. Арэн и сам понимал, что со своими глазами производит странное впечатление, но уж бояться... Он не хотел, чтобы будущая жена его боялась. И всё чаще возвращался мыслями к Виктории.

Познакомившись с половиной списка, император понял, что больше не может. Он устал и от незнакомых девушек, и от их страхов. И однажды вечером Арэн попросил Вагариуса устроить ему встречу с Викторией. Разумеется, тайную.

— Я бы мог, конечно, просто взять и перенестись к ней в комнату в общежитии, но, боюсь, после этого мне будет сложнее с ней договориться.

— Да, ваше величество, — кивнул Вано, и через пару часов Арэну сообщили, что нужная ему девушка ждёт в библиотеке института. На часах было двенадцать ночи — следовательно, никаких посетителей не предвиделось.

Пришедшая на встречу Виктория выглядела сонной и уставшей, но недовольства не чувствовалось. Потёрла глаза и, явно с трудом удержавшись от зевка, произнесла:

— Мне кажется, я правильно вас понимаю, ваше величество?

— Думаю, что да, — ответил он, подошёл ближе и сел рядом. Это было забавно — небольшая библиотека, обыкновенная парта, похожая на школьную, два колченогих деревянных стула. Императоры должны делать предложение совсем в иной обстановке, но... где это написано? — И как вы к этому относитесь?

— Не знаю, — Виктория вздохнула, и по её эмоциям Арэн понял — она сказала правду. — Но почему я? У меня нелучшие родственники.

— С вашими родственниками я разберусь. У них появятся дом и неплохое содержание, а в игорные дома их больше не пустят.

— Не пустят?..

— Ну разумеется. Хотя я могу поставить печать-запрет, тогда они и сами не пойдут. Как хотите, так и сделаем. Результат будет тот же.

Виктория обескураженно молчала, и Арэн чувствовал её смятение. И неловкость.

— Расскажите мне, что вас смущает.

Она закусила губу, вновь вздохнула и тихо проговорила:

— Я не могу сформулировать. Я вас не знаю и...

— Помолвка будет длиться как минимум три месяца, успеете узнать.

— Ох... — Она чуть поёрзала на стуле. — А как же учёба?

— Кто вам помешает окончить институт? Кроме того, — Арэн внимательно посмотрел на девушку и улыбнулся. — О практике в Императорской оранжерее, насколько мне известно, на вашем курсе мечтают многие.

Эмоции на секунду замерли... а потом взорвались диким восторгом.

— Ваше величество... вы... шутите?

— Я? Защитник упаси. Я вообще-то соблазняю девушку, на которой собираюсь жениться. Оказывается, оранжерея — это соблазнительно, кто бы мог подумать!

Тогда он впервые слышал смех Виктории, а ещё через пару минут она дала согласие на помолвку, и на следующее же утро новость появилась во всех газетах.

А спустя три месяца — дольше Арэн решил не ждать — Виктория стала его законной супругой.

Жалел ли он? Нет. У жены было много недостатков, но он никогда не смог бы упрекнуть её в неискренности.

И дети... Дети стали его счастьем. И уже за них он готов был простить Виктории всё что угодно.

Утром в столовой для слуг царил суматоха. Все торопились на свои рабочие места, поэтому быстро хватали завтрак, не менее быстро ели и тут же убегали. Никто не сидел за столом и не разговаривал дольше десяти минут, слуги перебрасывались друг с другом короткими фразами и, пожелав отличного дня, уходили.

София мельком увидела главного дворцового управляющего, который, кивнув ей, спросил, всё ли в порядке, и когда она ответила утвердительно, улыбнулся и тоже ушёл, по пути поглядывая на браслет связи.

А когда София доедала творожную запеканку, к ней за столик под села немолодая женщина в белой форме.

— Доброе утро, — сказала она, расправляя платье на коленях. — Вы наша новая аньян, верно?

— Да, правильно, — произнесла София и представилась: — Меня зовут София Тали.

— Очень приятно. А меня — Матильда Марио. Я личная служанка её величества.

София, услышав это, едва не подавилась запеканкой. Посмотрела на соседку по столу, удивляясь тому, как такая обыкновенная и совершенно невзрачная женщина может быть служанкой императрицы. Ей казалось, что прислуживать Виктории должны сказочные красавицы. А в Матильде не было ничего примечательного — обычное лицо, мясистый нос «картошкой», жидкие волосы, стянутые в пучок.

— Рада познакомиться.

— Не волнуйтесь так, — хмыкнула женщина, принимаясь за свою овсянку. — Я вам не враг. А станет ли вашим врагом моя... хозяйка, зависит только от вас.

— И что же мне для этого нужно делать? — поинтересовалась София, вспоминая рассказ про молоденькую служанку, которая обзавелась сыпью по неизвестной причине. — Кроме выполнения непосредственных обязанностей аньян, разумеется.

— Заведите любовника.

На этот раз София действительно подавилась. Закашлялась и, схватив стакан с чаем, сделала большой глоток.

— Заведите любовника, — повторила Матильда спокойно, словно говорила о погоде. — И постарайтесь, чтобы императрица об этом узнала.

Сделав ещё один глоток, София жалобно спросила:

— А другого способа нет?

— Боюсь, что нет.

— Я не понимаю, правда. Разве наличие любовника может помешать имп... ну, вы поняли... если он захочет?

— Наличие любовника мешает ему захотеть. Так думает её величество, — пояснила Матильда. — Она уверена, что император никогда в жизни не унизит себя соревнованием со слугой.

— Защитница, — пробормотала София, отодвигая так и не доеденную запеканку. Аппетит совсем пропал. — Боюсь, что у меня не получится. Я...

— Не зарекайтесь. Во дворце работает много мужчин, неженатых и положительных. Приглядитесь. И чем скорее вы это сделаете, тем лучше.

В комнаты наследников София поднялась к девяти утра. Настроение её немного упало после разговора с Матильдой — перспектива искать себе «жениха» среди слуг совсем не

радовала. Впрочем, София вовсе не была уверена в том, что Матильда действительно хотела помочь, а не сказала это для того, чтобы её расстроить. Она же служанка императрицы. С чего ей вообще помогать Софии? Скорее уж она выполняла приказ Виктории. Хотя... всё может быть.

— Софи! Доброе утро! — закричали Агата и Александр хором, радостно бросаясь к ней и обнимая. София улыбнулась — отлично, прошёл всего день, а дети уже настолько рады её видеть. Как прекрасно! — Мы вас ждали!

Под словом «мы» они явно имели в виду не только себя. Как только София вошла в комнату, она сразу заметила его величество — он стоял возле окна, рядом со столиком, накрытым белой кружевной скатертью, и что-то пил из фарфоровой чашки.

— Доброе утро, Софи, — кивнул император и улыбнулся, глядя на счастливых наследников. — Я рад, что вы пришли чуть раньше, а то я немного тороплюсь.

— У папы сегодня самые нелюбимые совещания, — громко сообщил Софии Александр. — Судебный и... фунансовый комитеты!

Его величество расхохотался, а Агата строго поправила брата:

— Финансовый, Алекс.

— Финансовый, — повторил ребёнок, а потом добавил: — Но он же фу-у-у, да?

— Я бы не стал утверждать, что «фу», — сказал император дипломатично. — Но скучновато. Что ж, я пойду. Дети, не знаю, успею ли к обеду...

— Постарайся, — произнесли Агата и Александр хором. Видимо, это «постарайся» у них уже стало ритуалом.

— Конечно. Софи, я в любом случае, независимо от того, буду на обеде или нет, загляну к вам вечером около девяти часов. Мне нужно с вами поговорить.

— Да, разумеется, — ответила София. Она ни капли не удивилась — все нормальные родители хотят что-нибудь обсудить с аньян, а у императора явно нет другого времени на разговоры. Но сердце всё равно чуть сжалось от волнения. — Вы... опять через камин или?..

— Или в дверь, как нормальный человек? — Он покачал головой, по-прежнему улыбаясь. — Я хожу через огонь, Софи. Привыкайте.

— Да я не возражаю, — почти прошептала девушка, чуть смутившись. — Я просто...

— Я понял, — прервал её император и, погладив по головам Агату и Александра, направился к камину. — До скорой встречи.

— Пока, пап! — закричали наследники, и через пару секунд фигура его величества исчезла в ярко вспыхнувшем пламени.

Около часа дети водили Софию по оставшимся комнатам парадного этажа, а потом с горящими энтузиазмом глазами предложили сходить в оранжерею.

— Давайте, — сказала она, прекрасно понимая — визит неизбежен. И чем скорее это произойдёт, тем лучше. Кроме того, София никогда не принадлежала к числу тех людей, которые откладывают проблемы в долгий ящик, — она, наоборот, предпочитала решать их как можно быстрее. Они с мамой не выжили бы, если бы вели себя так же, как отец.

Сегодня наследников сопровождали другие охранники, но выглядели они не менее внушительно, чем вчерашние. Шли за детьми и Софией двумя тенями, и она вновь подумала, что привыкнуть к такому будет сложно.

«А ведь император ходит через камин без всякой охраны. Интересно... Получается, наследников охраняют сильнее, чем его самого. Или я ошибаюсь?»

Оранжерея находилась в саду, и, выйдя на улицу, София зажмурилась от удовольствия — весна разгоралась всё ярче. Небо было насыщенно-голубым, на деревьях уже пробивались нежно-зелёные листочки, и птицы весело и радостно чирикали.

— Ух! — воскликнул Александр, и София с удивлением поняла, что наследник смотрит на неё. — Какая вы... лыжая, Софи! Как огонь! На солнце ещё лыжее!

— Вы похожи на Ваню Вагариуса, — сказала Агата с улыбкой, и София насторожилась. — Мы раньше думали: он самый-самый рыжий, но вы можете с ним конке... конко... конкерировать?

— Конкурировать. Это значит — соперничать. А... кто такой Ваню Вагариус?

Имя было смутно знакомым.

— Глава комитета безопасности. Мы вам его обязательно покажем! — проговорила Агата весело. — Вы же должны увидеть, на кого так похожи.

«А вот этого, в отличие от встречи с императрицей, лучше бы избежать...»

— Там оланжелея! — подпрыгнул Александр, указывая рукой куда-то вперёд. — Видите, да?

София подняла голову и на секунду замерла в изумлении, заметив огромный купол, похожий на сияющий мыльный пузырь. Всё понятно — внутри ведь наверняка нужно поддерживать определённый климат, защищая растения и животных от воздействия окружающей среды. София читала об этом, когда училась в институте. Но в учебнике всё выглядело гораздо менее впечатляюще, чем в жизни.

«Потом нарисую этот купол, — подумала она с воодушевлением. — Только здесь надо не карандашом, а красками».

Через пару минут один из охранников, прикоснувшись к поверхности купола, впустил всех внутрь. В оранжерее оказалось очень тепло, даже жарко — пришлось снимать и пальто, и обувь. Вместо сапог Софии и наследникам выдали тапочки из легко моющегося материала, но даже так было слишком жарко. Впрочем, возможно, это от волнения. Чем дальше они шли, тем сильнее Софии становилось не по себе.

Хотя окружающая красота отвлекала от тревожных мыслей.

Внутри оранжереи царило лето, причём такое лето, какого София никогда не видела. Пышные и словно бы мясистые растения виднелись повсюду, любое из них — раза в три больше тех растений, что росли в Альганне. Да и деревья оказались выше и шире — не деревья, а целые дома.

— Здорово, да? — спросила Агата восторженно. — В оранжерее почти полностью воссоздаётся климат Корго*. Мне тут так нравится! И так жаль, что мы наследуем родовой дар по отцу, а не по матери...

(* Южный сосед Альганны, очень жаркая страна, тропическая.)

— Работать здесь можно и не обладая родовым даром. Наверняка ведь не у всех служащих он есть, правда?

— Да, — Агата вздохнула. — Но с ним проще.

— Проще — это не так интересно. Интереснее, когда сложнее, — улыбнулась София, подмигнув наследнице, и девочка сразу улыбнулась в ответ. — Когда всё просто, не о чем и рассказывать, а вот если сложно...

Договорить София не успела — она вдруг почувствовала, как к её волосам что-то прикасается, и, подпрыгнув от неожиданности, наткнулась макушкой на нечто мягкое и прохладное.

Сердце забилося, как у трусливого кролика.

— Не бойтесь! — воскликнули хором дети, а один из охранников тут же пояснил:

— Не дёргайтесь, всё хорошо. Это раш, точнее, хомячковый папоротник. Очень любопытный и всегда щупает тех, кто проходит мимо в первый раз. Он ничего вам не сделает, потому что...

— Питается только насекомыми, — кивнула София, расслабляясь. Посмотрела вверх — над ней парила тонкая веточка, на концах которой было что-то вроде ёршика из листиков. — Надо же, а ведь хомячковые папоротники — редкость даже в Корго...

— Здесь много редких растений. Любопытное свойство — чем реже встречается растение, тем оно полезнее.

— Мама!!!

София обернулась — позади них по узкой тропинке, снимая испачканные в земле перчатки, шла императрица. Она была одета в такой же костюм, как и накануне, и волосы точно так же были заплетены в косу. Только сегодня они оказались убранными под мелкую тёмно-зелёную сеточку, похожую на шапочки больничных медсестёр.

— Ваше величество, — сказали хором охранники, и София к ним присоединилась, поклонившись Виктории. За императрицей шла ещё одна девушка в форме, и через пару секунд, приглядевшись, София узнала Анастасию — племянницу Арена. — Ваше высочество...

— Нас предупредили, что вы придёте, — произнесла Виктория гораздо более мягким голосом, погладив детей по головам. — Я очень рада вас видеть.

София почувствовала, как её заливает теплом — ей не нужна была эмпатия, чтобы понимать — это правда. Глаза у Виктории светились, когда она смотрела на наследников.

Материнская и отцовская любовь... София верила: на свете нет ничего сильнее, ничего бесконечнее. И ей всегда нравилось видеть проявления этой любви в людях, на которых она работала.

Но секунду спустя императрица подняла голову, посмотрела на Софию — и свет в её глазах погас.

— А самые редкие растения, — продолжила Виктория, поглядев на ветку хомячкового папоротника, который в этот момент гладил Софию по плечу, — как правило, ядовиты.

— Не хомячковый папоротник, — возразила София. — Он абсолютно безвреден.

— Абсолютно безвредных растений не бывает. Всё зависит от дозы. И от того, как они приготовлены. В сочетании с некоторыми растениями из семейства болотниковых хомячковый папоротник превращается в яд. Медленный, но яд. А вы, я смотрю, — усмехнулась императрица, вновь обратив внимание не Софию, — и в ботанике разбираетесь?

— Совсем немного. В пределах институтского курса.

— Помните, как отличить ядовитое растение от неядовитого? Универсальный способ. Работает, кстати, и в случае с животными.

— Ядовитые растения, как правило, очень яркие, — ответила София и улыбнулась, уловив в этой подколке намёк на свои рыжие волосы. — Так же и все ядовитые животные имеют яркий окрас. Красные змеи, оранжево-жёлтые лягушки...

— Верно. А...

— Вик, — перебила принцесса Анастасия со смешком. — Ты экзаменовать решила нашу новую аньян? Не думаю, что во дворце ей понадобятся знания о ядовитых животных.

— Во дворце могут пригодиться любые знания, — сказала императрица спокойно и без улыбки. — Но ты права — экзамен сейчас ни к чему. Вы, мои дорогие, — она опустила голову и вновь преобразилась, глядя на детей, — хотели посмотреть, над чем я сейчас работаю? Пойдёмте, покажу. А потом на обед.

— Да! — подпрыгнул Александр. А вот Агата промолчала — и София, изучив лицо наследницы, поняла, что с неё вновь слетел эмпатический щит.

Чуть позже, когда императрица показывала всем свою работу, София опять поймала себя на мысли, что ей хочется нарисовать Викторию. Её величество совершенно преобразилась, рассказывая детям про пруд с маленькими кувшинками, которые было безумно сложно выращивать. Они требовали абсолютно чистой воды, постоянной температуры и каждодневного опыления специальными пчёлами. Кроме того, не терпели рядом с собой громких звуков — моментально закрывались и уходили под воду.

— Но если кувшинка продержится над водой месяц, — говорила императрица тихо, показывая наследникам не настоящий цветок, а его искусственную модель, — то в её сердцевине появится небольшая капелька нектара. Эта капелька бесценна. Она нейтрализует любой яд, любую кислоту. В природе она стекает по лепесткам в тот пруд, где живут кувшинки, и очищает воду. Мы же здесь собираем этот нектар для того, чтобы из него можно было приготовить различные лекарства. А ещё пытаемся что-то сделать, чтобы кувшинки стали менее капризными.

— Но пока безуспешно, — развела руками принцесса Анастасия и, посмотрев на Софию, улыбнулась ей вполне дружелюбно и искренне.

Кроме венценосных работников, в оранжерее было много других служащих — в зелёной или коричневой форме.

— Зелёная форма у магов, коричневая — у не-магов, — объяснила её величество, вновь резко сделавшись недовольной, когда София поинтересовалась насчёт разного цвета форменной одежды. — Все растения здесь промаркированы, к некоторым запрещено подходить обычным людям — могут покалечить.

— А как? — спросил Александр, сверкая любопытными глазами.

— Например, электричеством ударит. Это как молния, Алекс. Мага не убьёт, а обычному человеку будет очень плохо.

— А если отвод использовать? — спросила София и почувствовала себя очень глупой, когда императрица смерила её презрительным взглядом.

— Отвод заземляет электричество, у нас тут половина оранжереи погибнет, если это случится. Нужен сосуд для собирания энергии, но всё равно выдержать напряжение сможет только маг.

Если не считать моментов, когда её величество показывала своё неприязненное отношение к Софии, можно было сказать, что всё прошло идеально. Дети остались очень довольны — даже Агата, хотя она иногда хмурилась, глядя на мать. Императрица тоже радовалась, обнимая наследников и рассказывая про свою работу, и принцесса Анастасия улыбалась, и охранники вели себя порой не как охранники, а как пришедшие на экскурсию школьники-хорошисты — вертели головами и пару раз задавали вопросы о растениях.

А потом настало время обеда, и София вместе с детьми, охранниками, императрицей и принцессой вернулись во дворец. Женщины ушли переодеваться, София и её подопечные — мыть руки, после чего, как и накануне, проследовали в столовую.

Но сегодня обед прошёл иначе. Не было принца Адриана, который периодически то разряжал, то наоборот — заряжал обстановку своими не всегда уместными шутками. И император тоже не появился. В середине обеда Виктория, взглянув на браслет связи, чуть слышно вздохнула и сказала:

— Дети, папа не придёт. Увидитесь за ужином.

— Мы уже поняли, — печально ответила Агата, и София ласково погладила её по руке под столом. Она понимала, как детям хотелось видеть отца, но понимала и императора. Раз он не пришёл — значит, действительно слишком много дел.

А после обеда, когда София предложила наследникам заняться мирным делом и немного пособирать мозаику, Агата вдруг сказала, чуть заалев щеками:

— Мне кажется, вы тоже эмпат. Вы нас так хорошо понимаете!

София улыбнулась, почувствовав себя по-настоящему счастливой.

— Для того, чтобы понимать друг друга, не обязательно быть эмпатом. Кроме того, твой папа... он же не ощущает вас с Александром, верно? А понимает очень хорошо.

— Лучше всех! — сказал Алекс, а Агата кивнула.

— Вот. Эмпатия — это просто дар. Которым... — София подмигнула наследнице, — надо ещё научиться пользоваться.

Арен не зря не любил среды — совещания с представителями финансового и судебного комитетов отнимали очень много сил. Ничто так не утомляло, как денежные вопросы и проблемы законников. К тому же на повестке дня стоял...

— Ваше величество, закон о передаче титула путём заключения брака вступил в силу месяц назад, все мы это помним. Но что делать в случае развода супругов? Титул остаётся или возвращается?

— А что, — Арен потёр начавшие ныть виски, — кто-то из сочетавшихся браком уже успел подать на развод?

— Нет, но... это явная недоработка в законе, ваше величество.

Безусловно. И она была допущена сознательно — по причине того, что Арчибальд, двоюродный брат Арена, курирующий комиссию по разработке закона о титулах, никак не мог прийти к единому мнению с участниками этой комиссии и с самим Ареном.

Поэтому вопрос был отложен на потом. Что ж, «потом» известно тем, что оно всегда наступает.

— Ваше величество, — продолжал представитель судебного комитета. — Я опасаюсь, что в случае, если титул будет оставаться за бывшим супругом, наличие фиктивных браков в стране возрастёт до неприличия. Это же отличный инструмент для шантажа, например...

В висках запульсировало сильнее. Как же он ненавидел эти дурацкие неразрешимые проблемы, которые как ни разрешай — всё плохо. А разрешать ведь приходится ему.

Ещё и Арчибальд почти месяц торчит возле Геенны, пока ни разу не возвращался. Оно объяснимо — всё-таки Эн вышла замуж за Берта Арманиуса, а двоюродный брат имел виды на девушку. Но так нельзя. Тем более что Геенна из этих четырёх недель была активна только полторы — остальное время Арчибальд, как докладывали Арену, пропадал у местных дамочек лёгкого поведения.

Пора бы его вернуть.

— Я передам ваши вопросы его высочеству Арчибальду и попрошу его присутствовать на совещании в следующую среду. Обсудим поправки к закону с учётом пожеланий вашего ведомства.

Сразу после совещания Арен отправил брату краткое сообщение через браслет связи: «Возвращайся. Ты нужен здесь».

Император немного нервничал из-за того, что попасть на обед так и не получилось — перекусывал он на ходу между совещаниями. Были ещё и внеплановые визитёры, на которых тоже ушло время, поэтому освободился Арен только перед ужином. Охрана докладывала, как проходит день у детей и жены, и император остался доволен этими докладами. Супруга вела себя предсказуемо, но пока терпимо, а вот новая аньян удивляла. Даже охранники — на что уж невозмутимые люди, повидавшие с его семьёй многое, — и те удивлялись. Виктория провоцировала Софию на конфликт, но девушка не просто не реагировала — она иногда проявляла к императрице явную симпатию. Это была какая-то загадка, которую Арену очень хотелось разгадать.

Ужинал он с женой и детьми, слушая их живые рассказы о прошедшем дне. Виктория умильно улыбалась — и от неё к мужу шли редкие и такие нужные порой волны покоя, что Арену не хотелось, чтобы это прекращалось. Поначалу жена становилась чуть холоднее, когда речь шла об аньян, но потом перестала обращать на разговоры внимание. Не удивительно — дети упоминали Софию через слово. София сказала, София сделала, София умеет, София

знает, София то, София это. Наследники были очарованы ею. Предсказуемо — эта девушка действительно была совершенно очаровательна.

«Адриан наверняка клонет, — подумал Арен и с удивлением ощутил, как его кольнула злость. — И предупреждать, чтобы не лез, бесполезно — больше всего на свете он любит нарушать запреты».

Впрочем, Арен не считал племянника серьёзной проблемой, он всегда мог справиться с ним — так или иначе. Поэтому быстро выкинул Адриана из головы.

После ужина император пару часов провёл с женой и детьми в детской, читая им книги. Потом Виктория отправилась укладывать наследников спать, а Арен, взглянув на часы, вдруг вспомнил, что обещал Софии вечером зайти. Конечно, она не обидится, если он этого не делает, — но всё же. Да и вряд ли девушка спит — всего-то десять минут одиннадцатого.

София действительно не спала. Когда он перешагнул решётку камина, оставив позади пламя, она сидела за столом возле окна спиной к нему и что-то рисовала на листе бумаги.

Арен подошёл ближе. София ещё не переодевалась — по-прежнему оставалась в платье, в котором он видел её утром, — но её рыжие волосы, днём обычно заплетённые в тугую косу или убранные в пучок, были распущены и струились по плечам и спине, как огонь.

Захотелось дотронуться, и желание это было таким настойчивым, что Арен, нахмурившись, мотнул головой, отгоняя его от себя. Чтобы отвлечься, взглянул на рисунок — и замер.

Маленькая аньян рисовала его жену. В рабочем костюме, среди пышущих яркими красками растений оранжереи. София рисовала какими-то мелками — кажется, это называется «пастель», — растирая их пальцами по бумаге, и под этими пальцами расцветало чудо.

Виктория была словно живая. И не просто живая — Арен знал это выражение её лица очень хорошо. Именно так выглядела его жена, когда была чем-то увлечена. Когда рассказывала о работе или о выходах их детей. Безумно красивое одухотворённое лицо с блестящими от радости и энтузиазма глазами.

— У вас талант, Софи.

Негромкий вздох — и мелок выпал из рук девушки. Только в этот миг Арен понял, что ещё зачаровало его, кроме рыжих волос и рисунка, — эмоции. Это был чистейший восторг, абсолютное вдохновение — нечто подобное он ощущал у играющих музыкантов, которые наслаждались собственной игрой и звучанием творимой мелодии. София тоже наслаждалась. Своим рисунком.

Рисунком, на котором была изображена его жена.

— П-п-простите. — София вскочила из-за стола, пытаясь закрыть портрет. Это было так нелепо и по-детски, что Арен улыбнулся. — Я... п-п-просто...

— Вы просто рисовали. И, насколько я знаю, в этом нет ничего противозаконного.

Она смотрела на него, испуганно округлив глаза — тёмно-серые, с пушистыми ресницами. У рыжих людей ресницы часто тоже рыжие, но у Софии они были тёмными, густыми и очень красивыми.

— Я повторяюсь — у вас талант, Софи. Вы разрешите мне посмотреть рисунок поближе?

Арен почувствовал, как испуг начал постепенно уходить. На щеках девушки, до этой секунды белых, появились два ярко-красных пятна, и его так же резко, как до этого испугом, окатило смущением.

— Да, конечно, — сказала София негромко, отходя от стола. — Только не трогайте, пожалуйста. Я ещё не закончила. Чтобы пастель не растиралась дальше и не рассыпалась со временем, её надо закрепить. Если вы разрешите.

Забавно. Кажется, она думала, что он рассердится. Но почему?

— Почему вы так смущаетесь? В конце концов, это всего лишь рисунок. Талантливый рисунок. И вам никто не запрещал рисовать ни меня, ни членов моей семьи. Кстати, — Арен развеселился. — А меня вы тоже рисовали?

Вновь смущение, да такой силы, что у него даже в голове зазвенело.

— Я...

— Покажи! — Император, улыбаясь, протянул руку Софии. — Покажи мне меня!

Она помотала головой и сделала шаг назад.

— Софи! — Арен шагнул следом, едва удерживаясь от смеха — не хотел, чтобы она обижалась. — Ну покажи! Я обещаю не сердиться и не лишать тебя зарплаты.

— Что вы! — пискнула девушка и сделала ещё шаг назад. — Я не думала даже!..

— Тогда почему ты не хочешь показывать?

— Я...

Шаг — и София, наступив на собственное платье, начала падать. Арен придержал её, положив руку на талию и прижав к себе.

Опять окатило чужими эмоциями, но на этот раз к смущению примешивалось кое-что ещё. И это «ещё» осталось жаром внизу живота, скручиваясь в тугий узел, и дыхание вдруг участилось, и руки непроизвольно сжались сильнее.

«Защитник! Мне кажется?..»

Причин не доверять собственной эмпатии не было, и Арен чуть прикрыл глаза, стараясь успокоиться. Раз, два, три, четыре, пять... отсечение.

Он открыл глаза, вновь чувствуя себя собой, а Софию — Софией.

— Я не знаю почему, — сказала она тихо, не глядя на него. Тоже пыталась справиться с эмоциями. — Просто неловко. Отпустите, ваше величество, я больше не падаю.

Отпустить? После того, что он почувствовал, делать это не хотелось совершенно.

— Хорошо, Софи. — Арен тем не менее разжал руки. — Думаю, на сегодня достаточно неловкости. Покажешь мне через пару дней?

Волна облегчения.

— Покажу. — София посмотрела на него и улыбнулась. — Простите за эту сцену, глупо получилось. Я от неожиданности. Просто рисование для меня — очень... личный процесс.

— Я понимаю.

— О чём вы хотели поговорить? — Она уже совершенно справилась с эмоциями и излучала только спокойное дружелюбие и симпатию, как обычно.

Поговорить. Да, точно.

— У меня к вам один вопрос и одна просьба, Софи. Начну с просьбы. Вы можете давать Агате уроки игры на фортепиано? Я думаю, ей это будет полезно. Мы с Вирджинией планировали, но не успели. Алексу ещё рановато, а Агате можно.

— Конечно. — Девушка кивнула. — Начать завтра или попозже? У них же... — Она улыбнулась. — Вроде как каникулы.

— Если Агата захочет — начните завтра, — ответил Арен, рассматривая губы собеседницы. Алые, чуть крупнее, чем нужно при её овале лица, и, наверное, очень нежные. — Если не захочет, начнёте через две недели.

— Хорошо.

Вновь кивок. И улыбка не исчезла с лица — искренняя, радостная.

Защитник, как же хорошо, что София не ощущает сейчас его эмоции. Арен чувствовал себя сгустком тьмы перед лучом света. Желание присвоить себе этот лучик было почти невыносимым. Арена бросало то в жар, то в холод, и пальцы сжимались в кулаки в бессильной злобе на себя и свои чувства.

— Так о чём вы хотели спросить?

Девушка смотрела ему в глаза, кажется не понимая, почему он медлит. А Арен сдерживался изо всех сил.

Один шаг, всего один шаг — и этот маленький искренний луч света будет его. Только его. И она ничего никому не скажет. Даже не потому, что он поставит на неё печать, а просто — сама по себе. А он хоть немного согреется. Хоть немного искупается в этом чистом свете.

Внутри всё дрожало.

«Нельзя. Нельзя её трогать».

— Я хотел спросить, почему вам нравится моя жена, — проговорил Арен, сам удивляясь тому, как спокойно и отрешённо звучит его голос. — Я просто чувствую это. Виктория не всегда бывает с вами справедлива. Но вы почему-то порой ей симпатизируете. Почему?

— А-а-а, — протянула София понимающе. — Всё очень просто. Её величество любит Агату и Александра.

Она замолчала, а Арен попытался осознать этот ответ.

— И всё?

— Ну да. А этого мало? — София удивилась. — Ну, если мало... Ещё она любит свою работу, очень увлечена ею, вы наверняка знаете.

— И поэтому тебе нравится моя жена? — Арен так и не смог до конца понять ответ Софии. — Просто потому, что она любит своих детей и свою работу?

— Да.

Кивок. Судя по эмоциям, София не видела в этом решительно ничего особенного.

И Арену безумно захотелось спросить...

«Тогда что такого есть во мне, Софи? Почему ты... Что ты видишь во мне настолько замечательного?!»

Но он промолчал.

— Хорошо. Кажется, я понял. Или нет. — Арен усмехнулся. — Посмотрим. Спокойной ночи, Софи.

— Спокойной ночи, ваше величество.

Глава 5

Ночь со среды на четверг стала первой для Софии во дворце, когда она с трудом смогла уснуть.

Всё прокручивала в голове события вечера, припоминая, что говорил император, его выражение лица, улыбку и голос. Вспоминала, как он внезапно сбился и начал обращаться к ней на «ты» — это оказалось приятно. От желания немедленно вскочить с постели и нарисовать хоть что-нибудь чесались пальцы, но София сдерживалась, понимая: если она это сделает, весь день будет клевать носом, а для аньян такое недопустимо.

Было что-то странное, необычное в поведении его величества сегодня вечером, но София никак не могла понять, что именно её смущает. Именно так — смущает. Она вспоминала чёрные глаза Арена — ей показалось или радужка была шире, чем обычно, такая большая, что не осталось места белкам? И голос, как будто напряжённый, натянутый словно струна, — вспоминая его, София смущалась. Вроде ничего особенного не произошло, а она ощущала себя так, будто увидела нечто недозволенное. Запретное.

«Ерунда, — думала она, ворочаясь с одного бока на другой. — Ты просто переживаешь из-за того, что он заметил твои рисунки. И попросил показать свой портрет. Вот и придумываешь».

Рассуждения были вполне логичными, и спать очень хотелось — всё-таки она устала. Но сон не приходил. Промучившись так часа полтора, София встала, налила воды в стакан, накапала туда несколько капель слабого снотворного, залпом выпила.

И только после этого смогла уснуть.

Утро четверга было как две капли воды похоже на утро среды: София точно так же оделась, умылась, быстро позавтракала в столовой для слуг — но на этот раз служанка императрицы к ней не подсаживалась, — а затем побежала к детям.

Наследники, как и накануне, находились в детской с отцом. Его величество кивнул Софии, поцеловал Агату и Александра и сразу шагнул в камин, не сказав ни слова.

«Хотя что он должен был тебе сказать? — подумала София и сама улыбнулась своим мыслям. — Он наверняка уже выбросил из головы случившееся. И рисунки эти — видел ведь гораздо лучше и талантливее, при дворе есть художники! И то, как... как...»

Произнести — даже про себя, не вслух — «как сжимал мою талию» София не могла. Она помнила, что в тот момент вспыхнула от неловкости, удовольствия и восторженной нежности и боялась, что император всё прекрасно понял. Понял, просто не сказал. И сразу забыл — в конце концов, у него же целая куча дел!

— Агата, — произнесла София, отодвигая в сторону тревожные мысли. — Твой папа хочет, чтобы я учила тебя игре на фортепиано.

— Ой! — Девочка улыбнулась и чуть подпрыгнула. — Это здорово! И я хочу. Я видела, как вы играете — я тоже так смогу?

— Сможешь, конечно. Не сразу, придётся постараться.

— Это ясно. А...

— А я-я-я? — протянул Александр почти обиженно, надувая губы. София опустила перед ним на корточки и, взяв в свои руки его маленькие ладошки, сказала:

— Тебе нужно немного подождать. Твои пальчики... — она начала поочерёдно загибать пальцы наследника, и он сразу захихикал, — ещё недостаточно подросли. Если они станут играть на фортепиано сейчас, будут болеть. Мы с тобой, Алекс, станем рисовать, пальчики окрепнут, и через пару лет ты сможешь учиться вместе с Агатой.

— Точно?

— Клянусь своими рыжими волосами! — сказала София и дотронулась до макушки под смех обоих наследников.

София немного ошиблась — выбросить из головы случившееся Арен не смог, хотя очень старался. Впрочем, старался не только он: и окружающие его люди, и представители торгового и дипломатического комитетов, пришедшие на совещание, и жена — все старались сделать так, чтобы у него не было времени думать не то что о Софии, даже о погоде за окном и собственном желании выпить чашку чая.

Виктория с утра была не в духе, и от неё к Арену сплошным потоком лилось раздражение. Морщась, он поставил щит, а затем поинтересовался, в чём дело. О своём вопросе он тут же пожалел, услышав ревниво-обиженное:

— Где ты был ночью?

Поначалу Арен не понял, почему вдруг возник такой вопрос — он приходил к Виктории далеко не каждый вечер, а два-три раза в неделю, когда оставались силы. В остальные дни спал у себя. И это был порядок, не изменявшийся с момента заключения их брака.

Но Виктория продолжала говорить:

— Когда я укладывала вчера детей спать, Агата сказала, что ты ещё должен зайти к Софии, потому что обещал. Ты остался там?

По тому, как загудел эмпатический щит, Арен понял, что Викторию сейчас заливают злостью и раздражением. Ему и самому было несладко.

Защитник, а ведь он сглупил. Надо было сказать Агате и Александру... Нет, не надо было вообще разговаривать с Софией о вечернем визите, находясь рядом с наследниками. Но, демоны его раздери, он привык так делать, когда работал с Вирджинией! И в этом же нет ничего особенного. Ну когда он ещё может разговаривать с аньян собственных детей, если не вечером, перед сном, после того как все дела уже закончены?

— Вик, не глупи, я прошу тебя. Я говорил с Софией две минуты, а потом отправился к себе.

Жена, поджав губы, отвела взгляд. Арен вздохнул, пытаясь унять собственное раздражение, а заодно придумать, что ещё сказать. Так, чтобы не причинить Софии вреда своими словами. Менять её на другую аньян не хотелось совершенно.

— Послушай... Детям нравится София. И ты сама наверняка понимаешь, что она очень хороший специалист, нам с ней повезло. Я не собираюсь совершать поступки, из-за которых пришлось бы её увольнять.

Увы — жена слышала в этих рассуждениях что-то своё.

— Это единственная причина, да? А не будь она аньян — ты бы её...

— Вик! — от злости — его злости — щит зазвенел, почти разрываясь на куски, но в последнюю секунду Арен сдержался. — Перестань! Что за глупые фантазии?!

— Тебе она нравится. Нравится же?! — почти закричала Виктория, поворачиваясь к нему лицом. Сейчас оно совсем не было красивым — алые пятна на щеках, тонкая нить вместо губ и прищуренные, раздражённые глаза. — Нравится?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.